

ПЕРЕПИСКА А. А. НЕВЕРОВСКАГО

Письма кн. В. О. Вебутова къ А. А. Неверовскому.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Съ вашимъ бывшимъ товарищемъ Николаемъ Ивановичемъ Карлгофомъ пишу нѣсколько словъ, чтобы напомнить вамъ мои выраженія въ предыдущихъ письмахъ къ вамъ изложенныя. дабы вы имѣли въ виду все то не могли ослабѣвать въ терпѣннн въ настоящемъ вашемъ положеннн, которое по доходящимъ до меня слухамъ, весьма незавидно; я здѣсь разумью положенн вашего собственнаго лица и скорблю душевно*).

Человѣкъ благоразумный тревожится и даже боится до наступленн опасности, но когда она настала, тогда благоразумнн требуетъ твердости, терпѣннн и великодушнн, для 'отклоненн или даже для совершеннаго уничтоженн грозящей опасности.

Благоразумнн и благородный характеръ вашъ не нуждаются въ постороннихъ совѣтахъ, но я, любя васъ и уважая, присвоилъ себѣ это право, за которое, надѣюсь, не посѣтуте на меня

всегда вамъ преданный

Кн. В. Вебутовъ.

14 Октября 1855. Тифлисъ.

*) Эти слова князя Вебутова сказаны Ал. Анд. Неверовскому по поводу различныхъ недоразумѣнннн и обострившихся отношенн Муравьева Николая Николаевича къ Неверовскому и послѣднему было очень тяжело и непрнятно переносить грубое обращенн Главкомандующаго.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Нѣсколько дней тому назадъ не знаю отъ кого получилъ я изъ С. П. Бурга два письма по одной почтѣ, адресованныя на мое имя, со вложеніемъ прилагаемыхъ при семь стиховъ, которые посылаю къ вамъ для прочтенія и присовокупляю, что иногда независимо отъ хлопотливыхъ служебныхъ занятій на досугѣ читаю подобныя сочиненія невольно хохотать будешь, видя чувство подчиненныхъ къ начальнику.

Не знаю кому вздумалось прислать мнѣ эти стихи, касающіеся до лица, которымъ я никогда не интересовался; но офицеры корпуса путей сообщенія и здѣсь съ восторгомъ приняли паденіе своего Падишаха, какъ они величаютъ Клейнмихеля.

Наконецъ и Лорисъ удостоился за Кіоракъ-Дарское сраженіе награды столь долго съ вождельніемъ ожидаемой.

Желая вамъ здравія и скорѣйшаго окончанія Компаніи

Преданный вамъ

К. В. Бебутовъ.

16-го Ноября 1855. Тифлисъ.

Р. S. Поклонитесь отъ меня Э. В. Брюммеру и покажите ему стихи, если онѣ еще не вѣсмъ извѣстны въ Лагерѣ; вѣроятно его превосходительство посмѣется.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Письмо ваше изъ Александрополя отъ 15 сего Декабря я получилъ въ мѣст. Хони, что въ Имерегіи, очень сожалѣю что приключившаяся вамъ болѣзнь принуждаетъ васъ оставить Кавказъ, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ на время; не менѣе сожалѣю и о томъ, что не могу вамъ быть ни въ чемъ полезнымъ по случаю нахождения моего далеко отъ Тифлиса.

Но во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что если вы не застанете меня въ Тифлисъ, то посѣтите мою жену, которая васъ уважаетъ. Письмо это

посылаю къ Б. Э. Индреніусу, для отсылки къ вамъ, прося его содѣйствовать вамъ въ полученіи просимаго вами отпуска.

Ежели не удастся мнѣ видѣться съ вами, то заочно прощаясь, прошу васъ сохранить меня въ памяти вашей и если не возвратитесь сюда, то не забудьте что за Кавказомъ есть человѣкъ, у котораго вы были дѣятельнымъ помощникомъ и сотрудникомъ по дѣламъ административнымъ и военнымъ, и на полѣ сраженія, и этотъ человѣкъ есть васъ уважающій и преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

23-го Декабря 1855. Мѣстечко Хони.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Далеко отъ васъ, за Кавказомъ любящій васъ, какъ моего близкаго и дѣятельнаго сотрудника на полѣ брани и въ кабинетѣ, душевно радуюсь вашему щастію, столь для васъ вождельнному, что письмо это вы получите въ кругу вашего милаго семейства, составлявшаго предметъ вашихъ желаній видѣться съ нимъ.

Вы мнѣ будете отвѣчать, если вы не исполните моего порученія поцѣловать ручки вашей супруги, о чемъ я васъ усердно просилъ и теперь повторяю.

У насъ теперь ничего важнаго не происходитъ; необыкновенная зима и глубокіе снѣга въ горахъ мѣшаютъ возможности туркамъ предпринять что либо, а горцамъ—дѣлать набѣги на плоскость.

Знаменитый Омеръ-Паша со всѣми войсками прижался къ морскому берегу около Редуть-Кале, откуда перевозить по частямъ изнуренные свои низамы въ Батумъ или Трапезундъ, смотря какъ погода позволить амбаркацію; вы знаете, что въ настоящее время года на Черномъ Морѣ постоянно бываетъ бурная погода и кораблямъ невозможно или весьма трудно приставать тамъ къ берегу.

Между тѣмъ поговариваютъ, а журналы всѣхъ націй трубятъ, о мирѣ, котораго желаютъ народы, но, Богъ знаетъ, осуществится ли вообще это желаніе; вы близко живете къ источнику всѣхъ политическихъ свѣдѣній, а потому скорѣе будете знать о результатахъ парижскихъ переговоровъ.

Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе при желаніи вамъ здравія; онѣ часто вспоминаютъ васъ и пріятныя ваши съ ними бесѣды.

Не касаясь порученія, даннаго вамъ моею женою съ вашего, впрочемъ, согласія о покупкѣ вещей для нея, въ знаніи которыхъ вы обнаружили особенное искусство, я обращаюсь къ вамъ также съ моею просьбою, принять на себя трудъ и заказать для меня слѣдующіе ордена съ мечами:

1) орденъ св. Андрея Первозваннаго и при немъ звѣзду	} обѣ звѣзды должны быть одинаковой величины.
2) орденъ Владиміра 2-й степени и звѣзду	
3) орденъ Бѣлаго Орла для ношенія въ петлицѣ	

Ежели вы возьметесь исполнить мою эту просьбу, то я просилъ бы еще васъ по изготовленіи означенныхъ орденовъ со звѣздами, приказать уложить ихъ тщательно въ ящикъ, дабы дорогою не испортились отъ дурной укладки. Такъ какъ ящикъ съ сими орденами будетъ маленькій, то я думаю можно отправить ко мнѣ по экстра-почтѣ, или съ фельдъегеремъ, часто отправляющимся сюда изъ главнаго штаба, гдѣ вы, вѣроятно, найдете къ тому случай, въ противномъ же случаѣ прошу васъ отправить по тяжелой почтѣ, которая доведетъ эти ордена, можетъ быть, къ Святой недѣлѣ.

О расходѣ на покупку этихъ орденовъ я буду ожидать отъ васъ увѣдомленія и не замедлю выслать вамъ деньги.

Изъ вашихъ товарищей Ходзько попрежнему зарыть въ картахъ, только не въ тѣхъ, которыми я играю; Браневскій отправился въ отпускъ и можетъ быть побываетъ въ П.-Бургѣ, Романовскій здѣсь, и занимается бумагами; а Кирилло Осиповичъ на дняхъ прискакалъ по мнѣ съ веселымъ расположеніемъ увѣдомить меня, что Мансурадзе, проважавшій Керимъ Пашу въ Москву, на возвратномъ пути встрѣтилъ васъ на какой-то станціи и что вы въ добромъ здравіи продолжаете путь къ столицѣ. До полученія отъ васъ письма, мы пока довольствуемся этимъ объ васъ извѣстіемъ.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ; отъ души желаю вамъ здравія и благополучія, прося не забывать меня, васъ любящаго

и вамъ преданнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять увѣренія въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Кн. В. Бебутовъ.

27 Февраля 1856 года. Тифлисъ.

Р. S. Ежели вамъ удастся увидѣть сына моего Николеньку, находящагося въ Пажескомъ Корпусѣ, то прошу васъ увѣдомить меня, какъ онъ учится и хорошо ли ведетъ себя.

В. Бебутовъ.

16-го Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Пользуясь отъѣздомъ Романовскаго, пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы вы не могли молчаніе мое принять за нежеланіе писать вамъ. Г. Жаба возвратясь въ Тифлисъ говорилъ мнѣ (нрзб.)

Г. Романовскій расскажетъ вамъ все, до Кавказа касающееся; я же вамъ скажу новость: по Высочайшему повелѣнію пишется живописцемъ Байковымъ, давно на Кавказѣ находящимся, картина Кіоракъ-Дарскаго сраженія; кто то его увѣрилъ и онъ самъ имѣлъ убѣжденіе, что въ этомъ сраженіи Бебутова генерала не было, а потому г. Байковъ, на этомъ основаніи изгналъ (изъ) картины генерала, имѣющаго тамъ главное начальство;—слѣдовательно, вы можете быть увѣрены, что, когда не признаетъ г. Байковъ присутствіе Корпуснаго Командира, то и о васъ, какъ о Начальникѣ Штаба, конечно, не будетъ никакого признака на картинѣ.—Каково вамъ это покажется, когда картину того сраженія вы увидите въ Эрмитажѣ.—Пускай кисть Байкова изображаетъ что ему угодно и надъ смертными играетъ; никакая картина не увѣритъ современниковъ въ несуществованіи лицъ, о коихъ въ картинѣ нѣтъ помину; а мы съ вами отъ души будемъ смѣяться, говоря: суета суеть и всяческая суета!

Въ заключеніе скажу, что этой картины я не видалъ, а мнѣ сказали о томъ люди, съ любопытствомъ разсматривавшіе помянутую картину. которая, впрочемъ, еще не готова.

Супругъ вашей свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

Желалъ бы прїѣхать, какъ старый кавказскій солдатъ, на торжество коронаціи, но мнѣ отказали, только отказъ этотъ основанъ былъ на отзывѣ здѣшняго начальства.

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

30 Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Поспѣшаю отвѣчать на письмо ваше, съ послѣднею почтою полученное мною; хотя на этомъ письмѣ вы позабыли выставить число, однако оно доставило мнѣ удовольствіе узнать о хорошемъ состояніи вашего здоровья и о томъ, что докладъ о васъ имѣлъ желательный успѣхъ и, вѣроятно, гнусная клевета на васъ, о существованіи которой дошли до меня слухи, обнаружилась и вы остаетесь такимъ же отличнымъ слугою Царю, коимъ я имѣлъ удовольствіе васъ знать служа вмѣстѣ съ вами.

Довѣренность, какую начальство ваше сдѣлало вамъ порученіемъ на васъ завѣдыванія военными дѣлами, до Кавказа относящимися, безъ сомнѣнія вы оправдаете при вашей дѣятельности и усердію къ службѣ, и мнѣ весьма прїятно будетъ получить свѣдѣніе, что вы удостоены вниманія начальства, умѣющаго цѣнить отличныхъ чиновниковъ и отдающаго справедливость достойнымъ *).

Жена моя и Соничка, которыя свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, будучи признательны вамъ, просятъ васъ повторить супругѣ вашей и графинѣ Ламбертѣ ихъ благодарность за присланныя вещи. Г. Романовскій доставитъ вамъ, если будетъ имѣть случай повидаться съ вами, подробное свѣдѣніе обо всемъ здѣсь происшедшемъ: Романов-

*) Александръ Андреевичъ во время войны выхлопоталъ погонщику, коего животныя околѣли съ голода при доставкѣ провіанта, прибавку и эта гуманность съ его стороны вызвала цѣлую бурю, посыпался жалобы, вляузы изъ интендантской части на него, все это происшествіе страшно возмутило и огорчило Неверовскаго.

скій отпросился въ отпускъ, и не знаю, возвратится ли сюда. Жаль ежели здѣшній Генеральный Штабъ лишится этого отличнаго офицера.

Излишнимъ считаю повторить увѣреніе въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности съ каковыми остаюсь

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

29 Августа 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ изъ Москвы, вы до такой степени увлеклись предметомъ, оскорбившимъ ваше самолюбіе, что даже ни полслова не написали мнѣ о томъ, что у васъ происходитъ въ Москвѣ бѣлокаменной, гдѣ теперь уже совершилось великое торжество и всѣ, конечно, предаются веселію по разнымъ празднествамъ, предполагавшимся въ Москвѣ по случаю священнаго коронованія Государя Императора.

Вы мнѣ не пишете гдѣ теперь Романовскій, который по измѣнившимся обстоятельствамъ, вѣроятно, возвратится на Кавказъ. Полагаю что кн. А. И. Барятинскій не замедлитъ пріѣхать сюда, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Его Сіятельства.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

P. S. Ходзько я еще не видалъ, но, повидавшись, скажу ему о проигранномъ закладѣ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ за описаніе нѣкоторыхъ подробностей, касающихся до праздниковъ, происходившихъ по случаю священнаго коронованія Ихъ Величествъ, о чемъ сообщали наши и иностранные журналы; слава Богу, все кончилось благополучно; остается теперь возсылать теплыя молитвы ко Всевышнему о долгоденствіи Великаго нашего Монарха на славу и щастіе любезнаго нашего отечества.

Не можете себѣ представить, съ какою радостію и предупредительностію приняли въ Закавказскомъ краѣ Намѣстника Царскаго, князя А. И. Барятинскаго; отъ Петровскаго укрѣпленія князь Барятинскій ѣхалъ черезъ Т. Х. Шуру, Дербентъ, Кубу, Багу, Шемаху, Нуху, Запаталы, городъ Телавъ (здѣсь я имѣлъ честь встрѣтить съ рапортомъ Его Сіят-во). Наконецъ въ Тифлисъ, резиденціи Намѣстника: по всему пути слѣдованія Его Сіятельства, всѣ вообще сословія съ особеннымъ уваженіемъ и радостію встрѣчали и сопровождали Намѣстника; вездѣ радушное угощеніе, а въ Кахетіи и вскрытіе огромныхъ винныхъ кувшиновъ, изъ которыхъ черпали весьма усердно благословенное кахетинское вино всѣми возможно употребительными въ здѣшнемъ краѣ сосудами, чтобы испить задравные тосты Государя Императора и его намѣстника.

3-го числа, сего Ноября Кн. Барятинскій вѣхалъ въ Тифлисъ, встрѣченный сословіемъ здѣшняго дворянства за 15-ть версть отъ города, а на заставѣ всѣми городскими жителями; проѣхавъ прямо въ Сіонскій соборъ, принялъ присягу на высокое званіе, Высочайше на него возложенное; откуда прибылъ въ домъ главнокомандующаго, при которомъ ожидалъ почетный карауль, по осмотрѣ котораго вступилъ въ большую залу, гдѣ собранъ былъ весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры и всѣ гражданскіе чиновники, почти всѣ знакомые Его Сіятельству. Онъ, сдѣлавъ имъ ласковый пріемъ—откланялся всѣмъ, и теперь принялся за дѣла.

Въ Тифлисъ приготавлиеть здѣшнее дворянство великолѣпный балъ 11-го числа, на которой пригласили г. Намѣстника; кажется и тифлисскіе граждане при такомъ случаѣ не останутся въ долгу и что либо выдумаютъ, чтобы оказать свое усердіе.

Въ заключеніе скажу вамъ, что встрѣча и пріемъ князя Александра Ивановича въ здѣшнемъ краѣ, простекали отъ чистаго сердца и съ полною радостію. Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ и вашей супругѣ усердное почтеніе, а я при почтеніи цѣлую ручки вашей милой супругѣ, хотя лично незнакомой, но душевно уважаемой мною.

Позвольте обратиться къ вамъ съ моею просьбою въ томъ, чтобы вы приняли на себя трудъ и прислали бы мнѣ книжку, заключающую въ себѣ списокъ всѣмъ генераламъ по старшинству, но вновь исправленную по послѣднему производству, въ которой уже много перемѣнъ.

Мнѣ говорили, что эту книжку трудно достать, но я здѣсь вижу ее у многихъ, слѣдовательно, вамъ есть возможность приобрести эту книжку или покупкою, если она продается, или по знакомству въ Главномъ штабѣ, но чтобы книжка была исправлена по послѣднему производству, по которому, какъ вамъ извѣстно, я обойденъ и посаженъ на мель.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ, отъ души желаю вамъ счастья и благополучія и болѣе здоровья.

Всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

6-го Ноября 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ отъ искренняго сердца за поздравленіе меня съ монаршею милостью; этотъ знакъ Высочайшаго ко мнѣ благоволенія, которымъ я удостоенъ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи, тѣмъ болѣе лестенъ и пріятенъ мнѣ, что остаюсь при своихъ должностяхъ, и будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, не пришлось мнѣ опять перебираться въ какое либо другое мѣсто, что послужило бы большимъ для меня разстройствомъ.

Князь А. И. Барятинскій, ходатайству котораго я обязанъ важнымъ чиномъ, нынѣ Государемъ на меня возложеннымъ, подробно сообщилъ мнѣ причины замедленія о моемъ производствѣ; эти причины были для меня удовлетворительны, ибо думалъ я, что по гнуснымъ клеветамъ, можетъ, подвергся гнѣву Царя, но я жестоко ошибался и этого не было; что же касается до людей, которые обласканы и отличаемы были мною, и которые рѣшились поступить въ отношеніи меня такъ неблагородно, чтобы не сказать—подло,—я имѣю всегда въ виду, что клеветы злыхъ людей, рано или поздно уничтожаются къ стыду клеветниковъ, а истина обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ. И такъ напомню вамъ слѣдующіе стихи, которые я всегда вспоминаю:

Невѣжа хулоу мнѣ чести не убавить,
И то не честь, когда невѣжа хвалить.

Изъ этого заключить можно, что клеветами и кляузами занимаются люди принадлежащіе къ разряду необразованныхъ и неблаго-

воспитанных невѣждъ, которые впослѣдствіи заслуживаютъ отъ людей благомыслящихъ одно презрѣніе; неправда ли, что подобные люди заслуживаютъ сожалѣнія, и не даромъ ли они обременяютъ землю.

Дошедшіе до васъ слухи о здѣшнихъ веселыхъ празднествахъ весьма справедливы; съ пріѣздомъ князя А. И. Барятинскаго все ожило и веселятся всѣ, но только въ свободное время отъ служебныхъ занятій, которыя исполняются съ полною дѣятельностью и усердіемъ.

Вотъ и у меня въ домѣ на дняхъ будетъ празднество; Сонечка моя выходитъ замужъ за полковника князя Гуріеля, котораго, можетъ быть, вы встрѣтили въ Москвѣ, во время коронаціи, онъ присутствовалъ тамъ по званію предводителя дворянства Кутаисской губерніи.

Вы можете себѣ представить сколько радъ буду я, если обстоятельства приведутъ васъ на Кавказъ послужить; это будетъ для меня величайшее удовольствіе, чтобы обнять васъ, какъ добраго сослуживца и дѣятельнаго сотрудника въ минувшую войну; до того же обнимаю васъ заочно и остаюсь

душевно вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

9-го Февраля 1857.

Тифлисъ.

Нѣкоторыя письма генерала А. К. Вранкена къ Александру Андреевичу Неверовскому*).

Варшава 5/17 ноября 1857.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Изъ послѣдняго письма моего тебѣ извѣстно, что всякія Нѣмецкія воды нисколько не помогли мнѣ, что напротивъ правая и любимая

*) Агатовъ Карловичъ Вранкенъ, Л. Гвардіи Гренадерскаго полка. большой другъ Ал. Анд. Неверовскаго, однимъ выпускомъ раньше его изъ Академіи Генеральнаго Штаба. Они служили вмѣстѣ на Кавказѣ; Вранкенъ получилъ въ 1844 Св. Георгія за сраженіе у Гилеги, гдѣ былъ тяжело раненъ; командовалъ Пражскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ 1850 былъ Нач. Шт. 2 пѣхотнаго Корпуса, въ 1855 командовалъ 5-ой пѣх. дивизіей и въ 1857 по собственной просьбѣ уволенъ изъ за ранъ въ отставку съ чиномъ генерала и полной пенсіей. Былъ въ высшей степени образованный, интересный умомъ и рѣдкаго остроумія въ разговорѣ.

нога одеревенѣла и что вслѣдствіе сего я бросилъ воды и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ намѣревался сдѣлать хирургическую операцію у доктора Хортелу. Въ ожиданіи этой радости я нанялъ небольшую, но чистенькую и хорошо меблированную квартиру въ центрѣ города, завелъ даже самое маленькое хозяйство и началъ жить тихо и мирно посреди шумнаго города; а чтобы быть еще спокойнѣе духомъ, 27 сентября послалъ рапортъ г. дежурному генералу прося Его Пр-во ходатайствовать мнѣ отставку. Въ то же время я написалъ и къ тебѣ письмо въ которомъ просилъ похлопотать о скорѣйшемъ увольненіи.—

Исполнивъ это давнишнее и всегда неудававшееся намѣреніе, я какъ будто ожилъ и почувствовалъ себя даже здоровымъ. Жизнь моя покатила еще спокойнѣе и беззаботнѣе, я былъ почти счастливъ, но видно мнѣ не суждены надолго тишина и миръ: однажды я возвратился вечеромъ въ мой тихій уголокъ, раздѣлся и принялся стряпать чай, какъ вдругъ между бумагами увидѣлъ телеграфическую депешу. Меня увѣдомляютъ изъ Варшавы что бѣдная моя В умираетъ и желаетъ со мною простится. Мысль, что, можетъ быть, мнѣ удастся спасти ее налагала на меня обязанность тотчасъ ѣхать. И вотъ, недолго думая, чтобы не перемѣнить намѣренія, на другой же день по полученіи депеши, отправился самъ въ Варшаву. Здѣсь квартира моя превратилась въ госпиталь, я больной ухаживаю за умирающей и довольно тебѣ сказать, что я сдѣлался набоженъ.—

Доктора совѣтуютъ мнѣ прогуливаться по утрамъ, но и это для меня невозможно потому, что форму мою я оставилъ въ Петербургѣ, при себѣ имѣю только гражданскую одежду, въ которой не смѣю показаться на улицѣ. Можешь себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отставки. Добрые люди присылаютъ мнѣ Высочайшій приказъ, но я напрасно ищу тамъ моей фамиліи. При отъѣздѣ изъ Петербурга г. Гернстенцвейгъ сказалъ мнѣ, что я получу отставку въ Октябрь или же въ концѣ Сентября, вотъ уже Ноябрь наступилъ, а отставки нѣтъ какъ нѣтъ.—

Пожалуйста, дорогой Александръ Андреевичъ, похлопочи, чтобы меня поскорѣе отпустили или, по крайней мѣрѣ, узнай, за чѣмъ дѣло стало. Если меня не увольняютъ только потому, что я не подалъ формальнаго прошенія о рапортѣ, то надобно принять во вниманіе, что я, будучи за границей, не имѣлъ ни своего формуляра, ни гербовой бумаги.— Впрочемъ этому горю пособить не трудно: въ Инспекторскомъ д-тѣ долженъ быть мой формуляръ. Пусть тамъ составятъ прошеніе, а братъ мой Николай (нрзб.)

Не пишу нечего о Варшавѣ, потому что сижу дома, ни съ кѣмъ не вижу и почти никого здѣсь не знаю.—Отъ лѣчащихъ меня польскихъ докторовъ я узналъ, что поляки очень довольны Государемъ за обѣщаніе учредить здѣсь Медицинскую Академію, за дозволеніе напечатанія сочиненій Мицкевича и за разрѣшеніе поставить памятникъ Кордецкому.—Этотъ Кордецкій былъ пріоромъ ордена Паулинскихъ монаховъ въ Ченстоховскомъ монастырѣ и прославился безпримѣрною обороною его противъ шведовъ, которые были властелинами всей Польши.—Король выѣхалъ въ то время въ Силезію (Австрійскую). Поляковъ тронуло тоже принятіе Государемъ бала, даннаго Его Величеству украинскимъ дворянствомъ въ г. Кіевѣ. При отъѣздѣ Государя многія дамы выѣхали за городъ провожать Августѣйшаго Гостя. Это считаютъ признакомъ того, что ненависть къ намъ поляковъ начинаетъ остывать. Вообще надо замѣтить, что съ поляками ласково можно сдѣлать все; Наполеонъ это доказалъ и натурально обманулъ. Если найдешь досугъ, напиши хоть пару словъ.

Твой старый почитатель и слуга

Вранкенъ.

7 Ноября 1857. Варшава.

Ты не можешь себѣ представить старый другъ моей радости при полученіи отставки; она мнѣ даже повредила. Итакъ я свободенъ! Могу ѣхать куда хочу, жить гдѣ вздумается, спать сколько душѣ угодно, при встрѣчѣ съ старшими отъ меня дураками не кланяться и не брить больного подбородка! Последняя льгота еще подлежитъ сомнѣнію, но я постараюсь ладить съ надзирателемъ моего квартала и полагаю, что на бороду мою будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

Благодарю тебя также за извѣстіе о ходѣ и задержкахъ доклада о моей отставкѣ. Въ расположеніи ко мнѣ г. военнаго министра я не сомнѣваюсь; еще въ бытность мою въ Петербургѣ, онъ хотѣлъ меня взять къ себѣ въ адъютанты или по особымъ порученіямъ—что по моему мнѣнію то же самое. Любопытно бы знать что онъ хотѣлъ предложить мнѣ теперь? Одно только мѣсто могло бы соблазнить меня—Смотрителя Документовъ въ Россіи, но, полагаю, что соперниковъ нашлось бы слишкомъ много.—Еще разъ повторяю: слава Богу! все кончено, я свободенъ! но повѣришь ли, что не могу привыкнутьъ къ этой мысли. Хотя я уже два года не служу и ничего не дѣлаю, но

мысль, что я записанъ въ какія то запасныя войска, что завтра меня могутъ потребовать на службу и приказать ожидать съ почетнымъ карауломъ Шварцбургъ-Зандерсгаузенскаго, не давала мнѣ покоя.—Даже во снѣ меня эта мысль преслѣдовала; то я видѣлъ себя въ Михайловскомъ манежѣ, на репетиціи развода, за фронтомъ Лейбъ-Гренадерскаго полка.—Тишина была мертвая, слышался только голосъ г. Арб....., который бранилъ насъ изъ послѣднихъ словъ за недостатокъ мягкости въ паху; то опять воображеніе переносило меня въ Крымъ, въ глубокую долину Черной рѣки; за нею виднѣются крутыя горы вѣнчанныя батареями, укрѣпленіями и 60 т. непріятельскаго войска.—И полки мои шли одинъ за другимъ, молясь и крестясь и оставляя кровавый слѣдъ, который давно уже смыть осенними дождями.

Едва не забылъ искренно поблагодарить тебя за увѣдомленіе о благосклонныхъ намѣреніяхъ Комитета о раненыхъ. Просить я намѣрень не столько прибавки пенсіи (прибавка эта должна быть весьма незначительной), но о производствѣ мнѣ квартирныхъ денегъ или квартиры натурою.—Я знаю, что генераль-маіоръ Сикетель, проживающій теперь въ отставкѣ въ Варшавѣ, пользуется этою милостію. Надѣюсь, что Комитетъ тѣмъ охотнѣе согласится мнѣ назначить квартиру, что это не введетъ его въ издержку, ибо квартиры даются отъ города.—

Я еще не рѣшилъ что съ собою дѣлать; можетъ быть, поѣду въ Парижъ (и это вѣроятнѣе всего), можетъ быть, куплю домикъ въ Варшавѣ и буду только ѣздить къ заграничнымъ водамъ; а можетъ быть, если поправлюсь здоровьемъ, приѣду въ Петербургъ, чтобы утѣшить моихъ стариковъ.

Однако пора отправить письмо на почту; прощай дорогой и добрый старый товарищъ и другъ.—Еще разъ большое тебѣ спасибо за хорошую вѣсть. Да будетъ Благословеніе Бога надъ твоимъ домомъ.

Твой почитатель и преданный слуга

Агатонъ.

15-го Января 1858 г. Варшава.

Большое тебѣ спасибо, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, за всѣ твои хлопоты и старанія и за любящее письмо, которымъ стараешься обнадежить меня, но я такъ мало избалованъ щастіемъ, что не смѣю

благовременно радоваться, не рѣшаюсь надѣяться, Ты мнѣ не пишешь и, вѣроятно, самъ не знаешь въ какой мѣрѣ Комитетъ намѣренъ уважить мою просьбу? Я предоставилъ большое поприще благодѣяніямъ Комитета, прося у него пенсіонъ по генеральскому чину, казенную квартиру отъ города, гдѣ изберу себѣ мѣсто жительства, и сохраненіе деньщиковъ. Тяжкій опытъ мнѣ говоритъ однако же, что Комитетъ ограничить свою щедрость прибавкою 115 р. въ годъ, т. е. дастъ мнѣ маіорскую пенсію по 1-му разряду раненыхъ. Конечно, и 115 р. на улицѣ не найдешь, но деньги эти не могутъ имѣть большого вліянія на улучшеніе моего домашняго комфорта.—Но довольно о деньгахъ!

Не знаю говорилъ ли я тебѣ, что, отъѣзжая изъ Петербурга я откровенно объявилъ г. Гернстенцвейгу, что я никакого мѣста не приму. Съ этой же цѣлю въ рапортѣ моемъ объ отставкѣ, я не упустилъ упомянуть, что у меня отнялася правая нога.—Не странно ли послѣ этого, что меня хотѣли отправить въ Кутаисъ. Честное слово, увѣряю тебя, что я бы этой должности не принялъ несмотря на пышный титулъ, съ нею связанный.—Любопытно однако жъ знать кому пришла эта мысль и почему она не приведена въ исполненіе; почему, наконецъ, послѣ столь лестнаго намѣренія вдругъ послѣдовала сухая резолюція: „уволенъ по законамъ“. Обстоятельства эти заставляютъ меня опасаться и за докладъ Комитета объ увеличеніи мнѣ пенсіи.—

Впрочемъ пусть будетъ Богу и Государю угодно, а я молюсь только, чтобы скорѣе мнѣ поправиться: на плечахъ у меня не тыква, и потому я найду себѣ хлѣбъ, несмотря на связывающій меня титулъ. Мнѣ даже почти обѣщано порядочное приватное мѣсто, но я не знаю еще условій и жду только отвѣта. Нарочно не пишу гдѣ и какого рода мѣсто я желаю принять, чтобы ты не отклонялъ меня отъ этого благого намѣренія; но когда все будетъ кончено, то есть, если я получу мѣсто или не сойду въ кондиціяхъ,—увѣдомлю тебя обо всемъ. Пора и русскимъ убѣдиться, что честный трудъ въ промышленности и торговлѣ не можетъ уронить эполетъ и крестовъ, которые я впрочемъ снялъ съ полученіемъ отставки. Ты не можешь себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ я каждый разъ одѣваю мое свободное коричневое пальто, мой мягкій плащъ, на голову вспяливаю барашковую шапку, на шею обвязываю шарфъ и иду на улицу, гдѣ никто меня не боится, не кланяется, напротивъ, многіе толкаютъ. Даже это толканье напоминаетъ мнѣ объ отставкѣ. Но я довольно болталъ о себѣ, надобно что нибудь сказать о Варшавѣ. Начавъ съ погоды, должно похвалить здѣшній климатъ; вся осень была тихая, сухая и теплая,

только о Рождествѣ было нѣсколько дождливыхъ дней, да въ Январѣ начались морозы и то въ градусовъ 5 или 7, не болѣе. Варшавцы со своей стороны постарались украсить городъ; они устроили на главныхъ площадяхъ и въ Саксонскомъ саду великолѣпные фонтаны, которымъ недостаетъ только воды, чтобы принести пользу и прохладу жителямъ.— Съ мѣсяцъ тому назадъ Варшава пріобрѣла газовое освѣщеніе. Частная Компания, которая взялась за это, немного ошиблась, она сдѣлала газопроводныя трубы слишкомъ малаго діаметра, такъ что на многіе фонари не хватило газа, но ошибка эта исправлена перемѣною трубъ. Видно съ огнемъ легче справиться чѣмъ съ водою. Теперь поляки будутъ еще болѣе гордиться своею Варшавою, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, много жизни, движенія и хорошенькихъ женщинъ.—

Карнаваль проходитъ довольно шумно, балы даются непрерывно, какъ коренными здѣшними аристократами, такъ и пріѣзжими богачами изъ Подола, Волыни и Кіева. Прежде Бибиковъ не пускалъ ихъ сюда, да и въ Одессу они ѣздили украдкой.—Въ административномъ отношеніи перемѣнъ никакихъ не замѣтно, но поляки довольны еще тѣмъ, что имъ не воспрещаютъ носить бѣлыя краковскія шапки и венгерки на подобіе бывшихъ польскихъ кунтушей. Во времена фельдмаршала за подобныя вольности тотчасъ бы засадили въ Цитадель, на содержаніе которой съ домовъ собирается особая подать.—

Объ освобожденіи крестьянъ здѣсь не толкуютъ, потому что польскій мужикъ давно уже наслаждается свободой и, вслѣдствіе оной, бѣденъ и пьянъ ежедневно.—Впрочемъ и тутъ ожидаютъ съ любопытствомъ чѣмъ кончится столь важное преобразование, —польза котораго еще не доказана, а трудности исполненія очень велики.—Лучшимъ послѣдствіемъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, я полагаю, будетъ то, что въ Россіи образуется средній классъ (*tiers état*), котораго у насъ не доставало.—Средній классъ составитъ, разумѣется, не изъ освобожденныхъ крестьянъ, но изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ старались сдѣлаться помѣщиками, а отнынѣ останутся капиталистами.

Кстати о капиталистахъ, здѣсь обнаружилось нѣсколько банкротствъ и поговариваютъ, что на этомъ не остановится. Золота и серебра вовсе не видно: въ обращеніи однѣ бумаги и то русскія потому, что польскія тоже припрятаны или, какъ здѣсь увѣряютъ, вывезены въ Пруссію, гдѣ русскія не ходятъ, а польскія принимаются охотно.—

На дняхъ разнесся здѣсь слухъ будто гражданскіе чины будутъ у насъ уничтожены. Я этому не вѣрю, потому что не могу представить себѣ какъ мы обойдемся безъ тайныхъ, статскихъ и, въ особенности, безъ титулярныхъ совѣтниковъ.—

Хотѣлось бы еще поболтать съ тобою, но право не о чемъ.

Желаю тебѣ и супругѣ твоей счастья и остаюсь твоимъ преданнымъ другомъ.

А. Вранкенъ.

9/21 Іюля 1858, Мюнхенъ.

Мой добрый старый другъ!

Если бы я имѣлъ сообщить тебѣ чтонибудь пріятное или хоть любопытное, то, конечно, давно бы написалъ. Если бъ я имѣлъ какуюнибудь просьбу, то опять прибѣгнулъ бы къ твоей обязательности и добротѣ. Но моя жизнь идетъ своимъ чередомъ и кромѣ какъ о новыхъ болѣзняхъ, мнѣ, въ сущности, не о чемъ писать.—Я писалъ тебѣ, что послѣ смерти моей бѣдной и дорогой В., доктора меня посылали въ Карлсбадъ, но весна какъ на зло мнѣ, не думала являться согласно показаніямъ календаря; проходилъ Апрѣль, а деревья и луга стояли обнаженные. Но я полагалъ что на западѣ должно быть теплѣе и, вслѣдствіе этаго обманчиваго мнѣнія, 20-го Апрѣля выѣхалъ изъ Варшавы. Въ Берлинѣ по утрамъ я могъ еще любоваться морозами; на Рейнѣ я нашелъ туманъ и сырость и потому проѣхалъ далѣе въ Парижъ. Кто то справедливо замѣтилъ, что Парижъ всегда находится по пути русскаго путешественника, куда бы онъ ни ѣхалъ.—

Я пробылъ тамъ весь Май, въ продолженіе котораго не было 2-хъ лѣтнихъ дней; поэтому я проводилъ большую часть времени въ комнатѣ и не разъ принужденъ былъ топить каминъ.—Дороговизна въ Парижѣ почти такая же какъ въ Петербургѣ, театры дрянъ, а на вечернихъ концертахъ духота и скука страшная.—Пробовалъ я совѣтоваться съ докторами, но всѣ они такіе шарлатаны и алтынники, что я бѣжалъ отъ нихъ.—Новостей въ Парижѣ никакихъ, кромѣ новыхъ улицъ и площадей; повсюду идетъ ломка и постройка; на каждомъ шагу встрѣчаешь или жандарма, или муниципала, или шпиона. О политикѣ никто ни полслова, какъ будто ее никогда не существовало въ разговорахъ парижанъ. Зато на биржѣ идетъ страшная

игра.—Меня поразило такое огромное количество кавалеровъ Почетнаго Легіона, ихъ несравненно болѣе нежели у насъ Станиславскихъ.—У насъ по крайней мѣрѣ половина кавалеровъ не носятъ своихъ декораций, но Парижанинъ надѣнетъ ленточку на сюртукъ, другую на пальто, а иногда и третью на плащъ или *rag-dessous*.—При выѣздѣ изъ Парижа я долженъ былъ явиться, во первыхъ, въ наше генеральное консульство, гдѣ заплатилъ за визированіе паспорта 2 франка, потомъ въ Бельгійское и наконецъ въ Префектуру полиціи; въ послѣдней мнѣ пришлось довольно долго ожидать очереди. Всѣ эти порядки заведены вслѣдствіе попытки Ореини и компаніи; прежде въѣзжали и отъѣзжали изъ Парижа, никому не показывая паспорта.—

Къ 1-му Іюню я пріѣхалъ въ Карлсбадъ, но тамъ все еще было довольно холодно; несмотря на это я началъ усердно лечиться, страшно отошалъ, облегченія не испыталъ почти что никакого и сѣвъ въ скверный австрійскій дилижансъ доѣхалъ до Гофа и оттуда черезъ Бамбергъ и Нюренбергъ прибылъ прямо въ Мюнхенъ.—Карлсбадъ крѣпко надоѣлъ мнѣ, въ особенности, когда туда понаѣхала толпа русскихъ, большею частью генераловъ.—

Я очень люблю моихъ соотечественниковъ, но предпочитаю ихъ видѣть въ Россіи, гдѣ ихъ сужденія, такъ и манеры такъ хорошо гармонируютъ съ нравами, образомъ мыслей и обычаями народа; но за границу наши господа какъ будто вышли изъ своей колеи и ѣдутъ по кочковатому полю.—Во многихъ изъ нихъ давно обнаруживается желаніе обратить на себя вниманіе; это пожалуй и удастся имъ, но не всякая слава честна.—Поляковъ также не мало въ Карлсбадѣ, и они живутъ между собою довольно дружно, тогда какъ русскіе сближаются неохотно.—На дняхъ выѣзжаю въ Вильдбадъ, мнѣ совѣтуютъ попробовать тамошнее лѣченье, хотя мало надѣюсь на успѣхъ.

Штутгартъ, 11/23 Іюля.

Отъ Мюнхена до Штутгарта по желѣзной дорогѣ шесть часовъ ѣзды. Мѣстоположеніе Штутгарта очаровательно, городокъ не великъ, но хорошо построенъ, дворецъ короля окруженъ садомъ, который тянется на цѣлую милю.—Я почти весь день провелъ на воздухѣ—завтра ѣду.

Вильдбадъ близъ Штудгарта. 25 Іюля.

Пораженъ я какъ громомъ! Здѣшній врачъ объявилъ мнѣ, что у меня сухотка спинного мозга, что всѣ мои недомоганія отсюда и про-

исходятъ. Купилъ себѣ трактатъ этой болѣзни, всѣ симптомы вѣрны, слѣдовательно, вылѣчиться никогда не могу, только найти облегченіе въ здѣшнихъ водахъ. Молю Бога о смерти и болѣе не въ силахъ писать тебѣ.

Твой искренній почитатель и другъ.

Агатонъ Вранкенъ.

13/26 Декабря 1858 года. Ницца.

Мой добрый старый товарищъ и другъ.

Къ числу прочихъ недуговъ овладѣвающихъ моимъ грѣшнымъ тѣломъ, надобно причислить и ослабленіе памяти; я рѣшительно не помню когда и что писалъ тебѣ послѣдній разъ, знаю только, что давно не давалъ о себѣ вѣсточки, впрочемъ, такъ какъ я не имѣю ничего сообщить хорошаго, то бѣда въ этомъ не велика.—

Начну письмо съ того, что я тебя попрежнему люблю и уважаю, что желаю тебѣ здоровья и щастія и прошу сохранить ко мнѣ дружбу, которой я столько разъ пользовался.

По совѣту докторовъ, строжайше запретившихъ мнѣ вернуться не только въ Петербургъ, но и въ Варшаву, избралъ Ниццу какъ городъ наименѣе итальянскій и славящійся мягкимъ климатомъ. Наступившіе праздники не сопровождаются здѣсь особыми церемоніями ни процессіями, но городъ сохранилъ обычай стрѣлять изъ оконъ, балконовъ и на улицахъ.—Полиція, правда, настрожайше запретила это глупое выраженіе радости, но ниццарцы смѣются надъ своею полиціей и на улицахъ непрерывно продолжается ружейная и пистолетная перепалка, какъ будто въ городѣ междуусобій.

Впрочемъ все обстоитъ благополучно.

Я пріѣхалъ сюда изъ Баденъ-Бадена черезъ Швейцарію, Женеву, Ліонъ и Марсель. Югъ Франціи и толико прославленный Провансъ вовсе не понравился мнѣ: города грязны, деревни бѣдны, поля дурно воздѣланы по нашей трехпольной системѣ.—Повсюду на горизонтѣ виднѣются голыя, мѣловатыя горы, кое гдѣ поросшія обожженнымъ кустарникомъ;—самыя оливковыя рощи не производятъ большого эффек-

та; масличныя деревья имѣють какой-то неопредѣленный пыльный цвѣтъ рѣдкій листь и не даютъ тѣни.—Не говорю уже о непріятности и грубости южныхъ французовъ.—Марсель богатый, но воинчій городъ. Я въ немъ никогда не останавливался больше дня и даже не пошелъ смотрѣть Триумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ въ честь Наполеона III. Вліяніе нынѣшняго Императора французовъ—огромно.—Не только Департаментальныя города Франціи, желая польститъ, ставятъ на площадяхъ монументы маршаламъ Наполеона I-го, но даже и Ницца, принадлежащая Сардиніи, и то думала воздвигнуть памятникъ Массена, котораго имя дано уже одной улицѣ и одной площади.—

Въ Ниццѣ я нанялъ большую комнату дверьми, окнами на полдень и на мраморную террасу, выходящую въ садъ, наполненный цвѣтами, апельсиновыми и лимонными деревьями.—Надобно, однако жъ, прибавить, что плоды эти до сихъ поръ еще не созрѣли.—Нынѣшняя зима по увѣренію жителей составляетъ исключеніе по своей холодности, но она по моимъ наблюденіямъ лучше Петербургскаго лѣта. И при томъ какое небо! Какое голубое море! Я видѣлъ Балтійскую безцвѣтную лужу, видѣлъ Каспійское море цвѣта травы съ желтымъ оттѣнкомъ, видѣлъ Черное, справедливо названное, видѣлъ грозныя и мутныя волны Океана, брызжущія на берегъ фосфорнымъ огнемъ, но ничто не можетъ сравниться съ голубыми и прозрачными волнами Средиземнаго! Описывать его красоты я не берусь, но отсылаю тебя къ картинамъ, которыя, однако жъ, не могутъ выразить того разнообразія, которое происходитъ отъ степени свѣта, состоянія неба и силы вѣтровъ.— Я провожу цѣлыя часы на берегу моря, по временамъ мнѣ приходитъ даже желаніе утопиться въ его прозрачныхъ волнахъ.—По этому можешь судить какъ оно должно быть хорошо.—

Въ Ниццѣ проводитъ зиму король вюртембергскій. Онъ живетъ очень скромно, прогуливается, какъ и прочіе смертныя, бываетъ часто въ театрѣ и безъ труда заслужилъ всеобщую симпатію.—Кромѣ того здѣсь гостятъ наша Великая Княгиня Екатерина Михайловна съ супругомъ и Е. И. В. Константинъ Николаевичъ съ супругою. Съ какой цѣлью они сюда пріѣхали—право не знаю.—Я не могъ имѣть счастья представиться Августѣйшимъ гостямъ, по неимѣнію съ собою мундира, звѣздъ и даже Крымской медали. Притомъ я ношу бороду, а Его Имп. Выс. не жалуетъ небритыхъ подбородковъ. Конечно, можно было бы сбрить ее, но вѣдь борода есть единственная привилегія, которою я пользуюсь за всѣ раны, полученные на службѣ.—Впрочемъ, завтра Е. И. В. отплываетъ со своею эскадрою къ берегамъ Сициліи.—

Мнѣ любопытно было видѣть новый русскій винтовой флотъ.—Поэтому я поѣхалъ въ Вилла-Франкъ ($\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ Ниццы). Русскіе офицеры съ крайнею обязательностью показали мнѣ корабль „Ретвизанъ“ о 96 пушкахъ. Не буду говорить о порядкѣ, чистотѣ и исправности, въ которой онъ содержится, но меня крайне удивило, что паровая машина такого большого судна имѣетъ только 500 силъ. Отъ этого *Ретвизанъ*, даже въ тихую погоду, не можетъ дѣлать болѣе 8 узловъ въ часъ.—Французскій линейный корабль „La Bretagne“, въ 130 пушекъ съ машиною въ 1200 силъ, дѣлаетъ по 13 узловъ.—Поэтому можно судить о результатѣ боя, еслибъ два эти корабля сразились. Надобно, однако жъ, надѣяться, что со временемъ и мы будемъ имѣть корабли одинаковаго хода съ французскими и англійскими.

Разкажу тебѣ про здѣшнія удовольствія; для меня существуетъ только одно, это Итальянскій Оперный театръ, и въ этомъ театрѣ только опера „Травиата“, которую въ Россіи даютъ подъ названіемъ „*Віолетты*“. Содержаніе ее тебѣ должно быть извѣстно, оно заимствовано изъ романа Аl. Dumas-fils, „La Dame aux Camelias“. Героиня умираетъ на сценѣ отъ любви и чахотки. Этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить во мнѣ грустныя воспоминанія недавней утраты. Но прибавь къ этому потрясающую музыку Верди, симпатическій голосъ и превосходную игру здѣшней примадонны, которая на бѣду мою и наружностію похожа на мою бѣдную В..... и ты поймешь, какое сильное впечатлѣніе производитъ на меня Травиата. Я не пропускаю ни одного представленія, я сижу въ театрѣ подъ какимъ то грустнымъ обаяніемъ и совсѣмъ непохожъ на прежняго боевого генерала.—

Ты видишь по этому описанію, какая я сталъ дрянъ! Впрочемъ, я продолжаю молить Бога чтобы онъ ниспослалъ мнѣ тихую и скорую смерть. Жизнь никогда для меня не была радостна, даже въ то время, когда я былъ здоровъ и честолюбивъ; но теперь при болѣзняхъ и одиночествѣ она сдѣлалась для меня тягостію.—Предчувствую, что Богъ не исполнитъ моей молитвы и не знаю, достанетъ ли духу распорядиться самому.

Но довольно объ этомъ, чтобы не нагнать на тебя тоску.

Поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ, желаю тебѣ отъ всей души счастья, а въ особенности здоровья. Засвидѣтельствуй мое почтеніе су-

пругъ твоей и передай мой усердный поклонъ Николаю Ивановичу Вольфу.

Твой старый почитатель

и вѣрный другъ

Агатонъ Вранкенъ.

P. S. Я проживу здѣсь (если только буду жить) еще три мѣсяца. Адресъ мой слѣдующій: Nice (en Sardaigne)

rue Massena, Pension Luisse.

Письмо не франкую, чтобы вѣрнѣе дошло.—

6/18 Марта 1859 Ницца.

Надобно быть въ моемъ положеніи, т. е. быть больнымъ, оклеветаннымъ, одураченнымъ и забытымъ, чтобъ понять, какую радость можетъ доставить письмо отъ стараго товарища и друга.—Напрасно, однако жъ, ты полагалъ, что я сердился за твое долгое молчаніе. Я зналъ изъ писемъ твоего брата о твоёмъ новомъ назначеніи*), душевно порадовался ему и понялъ, что тебя взяли исправить чужіе грѣхи, что часть эта, для тебя новая, должна быть запущена и потому не сомнѣвался, что у тебя безъ меня довольно дѣла.—Спасибо тебѣ и за то, что не забылъ стараго товарища и друга, который искренно желаетъ тебѣ возвышенія и щастія: мнѣ даже совѣстно болтать съ тобою о моей печальной личности, но такъ какъ на прочтеніе письма моего много времени не нужно, то я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ тобою.—Кстати же я сегодня, благодаря прелестной погодѣ, чувствую себя очень хорошо и потому письмо мое надѣюсь будетъ менѣе глупо и не такъ мрачно. Нервные болѣзни имѣютъ то хорошее качество, что онѣ по временамъ даютъ пациенту отдыхъ, безъ котораго страданія были бы невыносимы.—Хотя порядочные люди и стараются избѣгать разговора о погодѣ, но здѣсь она такъ хороша, что грѣшно не похвалить ее. Въ продолженіи всей зимы,

*) Ал. Андр. Неверовскій былъ назначенъ въ 59 г. директоромъ Лѣснаго Департамента, въ коей должности и пребывалъ до сразившей его болѣзни сердца (впрочемъ, это семейный недугъ семьи Неверовскихъ, отъ котораго почти всѣ члены ея умирали).

которая считалась необыкновенно суровою, только два раза термометръ опускался до нуля и то въ ночное время; въ полдень никогда не было менѣе 9-ти градусовъ тепла. Нѣкоторыя изъ померанцевыхъ деревьевъ покрылись цвѣтами въ Декабрѣ, апельсины, лимоны, гранаты теперь еще не снѣлы, только финики не выдержали зимы,—но вѣдь пальмы—Африканскія растенія. Любуясь дивнымъ Средиземнымъ моремъ, которому равнаго, конечно, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, я прихожу въ восторгъ и даже забываю всѣ пакости, которыя продѣлываетъ со мною Комитетъ о раненыхъ. Если бъ онъ отказалъ мнѣ въ назначеніи пенсіи просто безъ церемоній, я бы не такъ былъ огорченъ, но онъ лицемѣритъ, показывая видъ, будто желаетъ дать пенсію, но не можетъ безъ справокъ. Хотя Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ и выслалъ уже два свидѣтельства о томъ, что у меня нѣтъ недвижимости въ г. Варшавѣ, и въ его окрестностяхъ, (но просятъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ и то) что я не имѣю собственности на всѣмъ необъятномъ пространствѣ Россіи. Естественно, что подобнаго свидѣтельства онъ дать не можетъ, да оно было бы нелѣпо.—Впрочемъ, еслибъ Варшавскій об.-полицеймейстеръ и рѣшился взять на себя такую отвѣтственность, то Комитетъ придумалъ уже новую придирку, онъ требуетъ отъ меня свидѣтельства изъ прежняго мѣстожителства и знаешьли почему? Потому, что я написалъ въ прошеніи, что я не занесенъ ни въ одну дворянскую книгу и не принадлежу ни одной губерніи. Отецъ мой перешелъ изъ Прусской службы въ Русскую послѣ Іенскаго сраженія, желая продолжать борьбу съ Наполеономъ. Тебѣ извѣстно, что Наполеонъ былъ побѣжденъ, а отецъ получилъ орденъ Св. Анны. Онъ до сихъ поръ еще ожидаетъ раціоновъ и порціоновъ за 1813 г., вѣроятно, остановка въ выдачѣ произошла за справками, не имѣетъ ли онъ помѣстій въ Калифорніи.—Не полагай, что я выдумалъ исторію отцовскихъ раціоновъ: старикъ мой, дѣйствительно, имѣлъ свидѣтельство въ полученіи ихъ. Свидѣтельство представилъ въ Военное Министерство, а когда, не получая денегъ, онъ попросилъ возвратить ему хоть документъ, то ему отвѣтили безъ церемоніи: „зачѣмъ вамъ свидѣтельство? Вы вѣрно хотите утруждать Государя Императора?“ (Тогда царствовалъ Александръ I).

Я попробую еще разъ написать объяснительную записку въ Комитетъ, а если она останется безъ дѣйствія, то попрошу г. Военнаго Министра или даже Государя, чтобы изъ моей пенсіи не вычитали процентовъ въ пользу инвалидовъ. Въ этомъ году у меня удержали на нихъ 37 р. 16 к. Неправда ли, это похоже на насмѣшку? Желая всякую мою неудачу обратить въ шутку, чтобы бесполезно не горевать, я искалъ какаго нибудь Героя древней исторіи, которому хотѣлъ себя

уподобить, но со стыдомъ долженъ сознаться, что не нашелъ ни одного, напротивъ, встрѣтилъ только контрасты: напримѣръ, Библія повѣствуетъ, что Самсонъ разбилъ филистимлянъ ослиною челюстью, со мною случилось обратное: филистимляне разбили ослиную челюсть. Назвавъ себя осломъ, я не скромничаю, но отдаю себѣ только справедливость, ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли глупѣе прожить свою жизнь? можно ли безцвѣтнѣе провести свою молодость? и дешевле продать свою кровь и здоровье?—Теперь, хотя я и стараюсь забыть, что служилъ и былъ генераломъ, но боли ежедневно напоминаютъ объ этомъ. А между тѣмъ жизнь моя могла бы быть такъ хороша, несмотря на мои 45 лѣтъ. Недавно я здѣсь встрѣтилъ дѣвушку 18 лѣтъ, дивной красоты, ума и доброты. Она принадлежитъ порядочной фамиліи, не имѣетъ ни отца ни матери и только что вышла изъ Патріотическаго Института; но удивительнѣй всего въ ней то, что она влюбилась въ меня. Дальняя родственница, съ которой она сюда пріѣхала, весьма ясно дала мнѣ понять, что ежели я сдѣлаю предложеніе, то отказа не получу. Скрѣпя сердце, я отклонилъ отъ себя это щастіе. Теперь другая особа, тоже дѣвушка, но лѣтъ 35, зато богатая и добрая, смотритъ на меня весьма благосклонно. Доброта въ старыхъ дѣвушкахъ не рѣдкость, но описанія ея Симбирскихъ деревень и села съ боярскимъ домомъ и широкимъ прудомъ, ворочающимъ мельницу на 6 поставахъ, чрезвычайно соблазнительно. Мельница эта дала бы мнѣ возможность попросить Комитетъ раненыхъ, чтобы онъ избавилъ меня отъ его двусмысленнаго покровительства, но я долженъ отказаться и отъ этого удовольствія. Рассказавъ о моихъ любовныхъ побѣдахъ, я вовсе не хотѣлъ ими хвалиться, и никогда не былъ фатомъ.—Напротивъ я самъ удивляюсь имъ и полагаю, что Богъ заблаговременно наказываетъ меня за прежнее честолюбіе и дурное поведеніе, посылая на меня неудовлетворенный соблазнъ.—

20-го Марта. О смѣнѣ Браневскаго я зналъ еще въ Сентябрѣ прошлаго года отъ самого Яковъ Ивановича Ростовцева, который превозносилъ нашего Браневскаго до небесъ, едва не причисливъ его къ клиру святыхъ, но все таки прибавилъ, что ему придется дать другое назначеніе. Впрочемъ Павелъ Николаевичъ довольно послужилъ и хорошо бы сдѣлалъ, если бы, выйдя въ отставку, позаботился о своемъ здоровьи; онъ имѣетъ небольшое состояніе, да и Комитетъ раненыхъ былъ къ нему милостивѣе, чѣмъ ко мнѣ, назначивъ ему въ пенсію 3 т. р. ассигнаціями. Едва не забылъ тебѣ сказать, что я попалъ наконецъ въ комплектъ кавалеровъ ордена Георгія. Мнѣ назначено 150 р. пр. въ годъ.—Такимъ образомъ, вознаградилось 15-ти лѣтнее служеніе.—

Ты спрашиваешь меня о положеніи Италіи; радъ былъ бы сообщить тебѣ что нибудь, но мы здѣсь не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Напишу, однако же, все, что знаю.

Еще въ Маѣ прошлаго года, бывши въ Парижѣ, я узналъ отъ лица, близкаго къ Наполеону, что онъ точить ножъ на Австрію. Въ Декабрѣ Сардинскій король намекнулъ войскамъ своимъ, чтобы они готовились къ войнѣ, а въ самый Новый годъ Наполеонъ поздравилъ Австрійскаго посланника своимъ неудовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ всѣ журналы закричали о войнѣ на всевозможные тоны. Самъ чортъ не разберетъ ихъ предположеній и догадокъ; изо всего, однако-же, видно, что Франція и Австрія серьезно готовятся къ войнѣ, а Сардинія лѣзетъ изъ кожи. Здѣшній первый министръ, глава радикаловъ или крайникъ демократовъ, графъ Кавуръ опирается на знамя итальянской свободы. Онъ долженъ будетъ отказаться отъ портфеля, если войны не будетъ. Теперь онъ на вершинѣ величія; итальянцы клянутся его именемъ—впрочемъ, они болѣе кричатъ, нежели дѣйствуютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все дворянство и все, что есть достаточнаго во всей Италіи, желаютъ изгнанія австрійцевъ; простой народъ, который менѣе отъ нихъ терпитъ, довольно равнодушенъ, но тѣ и другіе понимаютъ, что безъ помощи Франціи ничего сдѣлать не могутъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, какъ сонякъ не говоритъ послѣдняго слова и старается убѣдить Европу въ 2-хъ вещахъ: что онъ не имѣетъ претензіи на Рейнскую границу и что Австрія будто бы его забираетъ сама. Пруссія держится своей прежней нейтральной политики, а Англія боится за свою собственную шкуру: она опасается, чтобъ другъ ея Наполеонъ, собравъ войска будто бы противъ Австріи, не посадилъ ихъ въ одну темную ночь на суда и не пожаловалъ къ нимъ въ гости. Вотъ почему она такъ хлопочетъ о мирѣ, а между тѣмъ усиливаетъ свой флотъ и укрѣпляетъ берега. Нѣтъ сомнѣнія, что роль, которую приметъ на себя Россія, будетъ имѣть огромное вліяніе на политику и даже на судьбу Австріи; если Россія останется нейтральною, то Австрія можетъ еще удержаться въ Ломбардіи, гдѣ она имѣетъ сильную армію; крѣпости и хорошую оборонительную линію. Но если Россія захочетъ уничтожить неблагодарныхъ Австрійцевъ,—то ей стоитъ послать только два корпуса въ Венгрію, не жалѣя сильную и вѣроломную Австрію. Разумѣется, что армію нашу надо будетъ поручить Андерсу, который извѣстенъ венгерцамъ, или кн. Барятинскому, или гр. Муравьеву-Амурскому, а не кастратамъ и вѣмцамъ.—Полагаю, что

въ такомъ случаѣ и тебѣ придется оставить дремучіе лѣса и выступить на поля сраженій.

Итальянскіе журналы пишутъ о сборѣ безсрочно-отпускныхъ и вообще о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи, но въ твоемъ ко мнѣ посланіи объ этомъ нѣтъ ни слова.—Конечно это предметъ очень щекотливый, но можно бы намекнуть только—я очень догадливъ. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ въ Туринѣ приготовлена квартира для арміи, разумѣется не для австрійской и французской. Говорятъ также, будто министръ Кавуръ ѣздилъ въ Парижъ подъ строжайшимъ инкогнито. Въ Италіи всѣ убѣждены, что война неизбежна и близка. Одни полагаютъ, что австрійцы начнутъ ее сами, чтобы разгромить сардинцевъ до прибытія французской арміи. Предлогомъ къ этому можетъ служить то, что миръ заключенный на 10 лѣтъ кончается 28 марта, т. е. черезъ недѣлю. Другіе надѣются, что Наполеонъ, подготовивъ общественное мнѣніе во Франціи, въ Европѣ откроетъ военныя дѣйствія. Но если онъ надуетъ итальянцевъ, то можетъ случиться, что они, наскучивъ ожиданіемъ, поднимутъ сами возстаніе. Тогда Сардинія и ея благородный король, всегда вѣрный своему слову, не долженъ оставить ихъ. Спрашивается, какъ тогда Наполеонъ! Этого никто не знаетъ, но онъ будетъ потерянъ въ общемъ мнѣніи, если оставитъ возмущившихся на произволъ Австріи.—

Между тѣмъ уже въ Италіи страшно взволнованы, всѣ надежды обращены на Францію и Сардинію: волонтеры со всѣхъ частей полуострова прибываютъ сюда, несмотря на пограничную стражу и полицейскій надзоръ.—Если приготовляющаяся драма превратится въ комедію, то она все таки кончится печальнымъ образомъ для волонтеровъ, которые, потерявъ имѣнія, останутся изгнанниками и будутъ служить живымъ укоромъ Кавуру, Викторъ-Эммануэлю и Наполеону. Сардинская армія доведена до 100 тысячъ, сдѣланъ заемъ въ 50 милліоновъ фр.

Вотъ и все, что я знаю о современномъ итальянскомъ вопросѣ, о которомъ распространился вслѣдствіе твоего желанія. Что касается до Ниццы, то она довольно спокойна, здѣсь такъ много иностранцевъ и такъ близко Франція, что городъ потерялъ свой итальянскій характеръ: улицы здѣсь освѣщены газомъ, поливаются водою и воспрещается выливать помой на голову проходящихъ; на площадяхъ не позволяютъ рѣзать скотину и сдирать шкуру съ падали.—Изъ этого уже видно, что Ницца не похожа на Римъ, Неаполь и другіе итальянскіе города.—

Здѣсь каждый можетъ думать и говорить, что хочетъ, но не смѣетъ сдѣлать, что вздумается; въ Римѣ и Неаполѣ приказано молчать, но разрѣшено свинствовать, сколько угодно.—

21 Марта. Погода стоитъ восхитительная; повсюду цвѣты, зелень и лазурь, даже умирать не хочется. Я остался здѣсь до начала Мая, потомъ ѣду въ Парижъ и Вильдбадъ, что близъ Штутгарта. Въ Вильдбадѣ пробуду мѣсяць, остальное время, вѣроятно, въ Баденъ-Баденѣ, хотъ лѣчиться тамъ не буду. Выдавая мнѣ безсрочный паспортъ, мнѣ сказали, что пенсія моя будетъ производиться только въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Но кто-то изъ пріѣзжихъ русскихъ порадовалъ меня извѣстіемъ, будто бы былъ новый Высочайшій указъ, которымъ разрѣшаютъ жить за границей 5 лѣтъ и пользоваться пенсіей.

Я былъ бы очень радъ, если бы это правда, потому что не нужно было бы просить о продолженіи заграничнаго содержанія. Я даже не знаю, въ чьей командѣ состоятъ отставные военные и къ кому обращаться съ прошеніемъ: къ Министру Внутреннихъ дѣлъ или по прежнему къ Военному.—

Однако прощай, дорогой Александръ Андреевичъ, будь здоровъ и счастливъ. Поклонися отъ меня твоей супругѣ и не забывай твоего бѣднаго и стараго друга.

Агафонъ.

P. S. У меня на нижней челюсти остался одинъ только зубъ. Храплю и берегу его противъ Комитета раненыхъ.

Извини что заболтался.

10/22 Августа 1859. Баденъ-Баденъ.

Мой добрый старый другъ!

На этотъ разъ у меня есть прекрасное оправданіе моему долгому молчанію. Я женился и все это время нахожусь въ какомъ то чаду, изъ котораго и теперь не совсѣмъ вышелъ. Извѣстіе это не мало удивить и вмѣстѣ обрадуетъ тебя, потому что ты заключишь изъ него, что я сдѣлался молодцомъ, если рѣшился на столь важный шагъ. Увы! Предположеніе твое было бы очень ошибочно, потому что я такая же дрянь, какъ былъ, женитьба же моя приключилась самъ не знаю какъ.—Вотъ ея краткая исторія.

Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Ниццу, я тамъ не думалъ ни съ кѣмъ знакомиться и началъ вести обыкновенную мою одинокую жизнь. Въ одно прекрасное утро является ко мнѣ пожилой мужчина, рекомендуетъ, что онъ Валерій Валеріевичъ Скрыпичинъ (бывшій директоръ Д-та Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Вн. Дѣлъ) и что ему поручилъ другъ его, и мой хорошій знакомый, Николай Арсеньевичъ Жеребцовъ, познакомиться со мною. Нельзя было не отвѣтить на подобную любезность: я отдалъ Скрыпичину визитъ, былъ приглашенъ на обѣдъ, за которымъ познакомился съ зятемъ Скрыпичина, Михаиломъ Николаевичемъ Краснокутскимъ. Несмотря на мою дикость и нежеланіе сближаться, въ особенности съ русскими путешественниками, Краснокутскій мнѣ чрезвычайно понравился съ перваго взгляда. Узнавъ его потомъ покороче, я началъ уважать въ немъ положительный и солидный характеръ, прекрасное образованіе, обширную начитанность и теплую, симпатичную душу. Такихъ людей въ Россіи, къ сожалѣнію, немного, да и служить имъ трудно, поэтому Краснокутскій давно вышелъ въ отставку и проживалъ или въ Москвѣ, или въ своихъ Симбирскихъ деревняхъ. Разстроенное здоровье жены заставило его провести зиму въ Ниццѣ.—При женѣ его проживали, въ рѣдкомъ между собою согласіи, двѣ ея сестры.—Нельзя было не любоваться этимъ милымъ, простымъ, добрымъ семействомъ, у всѣхъ членовъ его казалось одна душа, одна цѣль—угодить другъ другу.—

Меня приняли тамъ съ перваго же раза, какъ стараго знакомаго, не расточали ласкъ и комплиментовъ, но выказали столько участія моему положенію, и притомъ съ такою простотою и естественностью, что я долженъ былъ повѣрить, что присутствіе мое не тягостно, напротивъ пріятно.—Я часто встрѣчался, гуляя, съ Краснокутскимъ, но мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы моя свирѣпая рожа могла кому либо вскружить голову. Въ началѣ мая Краснокутскій съ семьей долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, а я думалъ перебраться въ Баденъ. Я проводилъ ихъ до французской границы, которая, какъ тебѣ извѣстно изъ компаніи 1796 года, проходитъ въ пяти верстахъ отъ Ниццы по р. Васъ. Тутъ, въ минуту разлуки добрыя двѣ сестры пролили нѣсколько слезинокъ, но бѣдная моя Зинаида расплакалась, какъ дитя.— Тутъ я въ первый разъ понялъ, какъ сильно она меня любитъ. Проводивъ ихъ, я далъ слово писать и воротился въ мою печальную квартиру. Но Ницца сдѣлалась для меня нестерпимой, и, сѣвъ на пароходъ, отправляющійся въ Марсель, оттуда черезъ Ліонъ, Дижонъ и Страсбургъ, на третій день прибылъ въ Баденъ-Баденъ, мое любимое мѣстопробываніе. Мы въ письмахъ высказали наши чувства,—и вотъ,

вытребовавъ по телеграфу отъ отца мой указъ объ отставкѣ и родительское благословеніе, мы 29 іюля обвѣнчались въ Висбаденѣ, въ прелестной, граціозной нашей русской церкви, выстроенной, какъ тебѣ извѣстно, надъ могилой нашей Великой Княжны Елизаветы Михайловны.

Вотъ уже двѣ недѣли, что я женатъ, жена моя прелестная женщина, жаль что я не могу послать тебѣ ея портрета, она москвичка, Зинаида Павловна Филиппова (такъ звали ее) и симбирская помѣщица. Я вполне счастливъ! Я давно не бралъ въ руки ни одного журнала, знаю, однако, что результатами послѣдней войны всѣ недовольны. Во первыхъ—австрійцы и всѣ мелкія германскія княжества, придерживающіеся ихъ политики, потомъ италіянцы, которые мечтали объ эмансипаціи всей Италіи и даже о лишеніи Папы свѣтской области, наконецъ—французы, заплатившіе 500 м. фр. и потерявшіе до 50 т. лучшихъ солдатъ и получившіе взамѣнъ весьма сомнительное вліяніе на Италію. Французы хотятъ имѣть низовья Рейна, объ этомъ только и мечтаютъ, ко всему же остальному довольно равнодушны.—Не знаю, что у насъ дѣлается въ Россіи, но, полагаю, все идетъ по прежнему, то есть, пишутъ много, а дѣлаютъ мало.—

Что бы тебѣ еще сказать? Мы живемъ здѣсь тихо и мирно и, хоть здѣсь обрѣтаются король виртембергскій, принцесса прусская, жена регента, великій герцогъ баденскій, эрцъ-герцогъ австрійскій и еще какіе то принцы, но они не обращаютъ на себя вниманія публики.— Зато на дняхъ изволила здѣсь останавливаться наша вдовствующая Императрица. Ну, это было другое дѣло, заранѣе очистили цѣлый отель, на желѣзной дорогѣ ожидала цѣлая толпа, потомъ было представленіе Ея Величеству.— У меня сердце радовалось, видя какъ наша Государыня умѣетъ поддержать достоинство Россіи.—Говорятъ— Ея Величество проведетъ всю зиму въ Ниццѣ—я счастливъ заранѣе.

Однако, я заболтался, вѣроятно, надоѣлъ тебѣ пустяками. Да будетъ счастье надъ тобою и надъ всѣмъ твоимъ семействомъ.

Твой старый товарищъ и другъ

Агатовъ Вранкенъ.

1/13 Апрѣля 1860-го. Ницца.

Если не ошибаюсь, то каждое письмо мое начинается длиннымъ оправданіемъ моего долгаго молчанія. Болѣзнь, происходящая отъ этого апатія, однообразная жизнь и отсутствіе всякой надежды на что нибудь

лучшее, дѣлають то, что мнѣ такъ же трудно написать письмо, какъ тебѣ прочесть его.—Я понимаю, что послѣ твоихъ трудовъ по департаменту тебѣ пріятно было бы отдохнуть надъ чтеніемъ безыскусственныхъ, но теплыхъ строкъ твоего товарища стараго и преданнаго друга, но, къ сожалѣнію, изъ подъ пера моего выливаются однѣ іереміады, исполненные позднихъ сожалѣній желчи. На дняхъ я получилъ письмо отъ брата. Онъ увѣдомляетъ меня, *во первыхъ*, что Комитетъ Раненыхъ отказалъ мнѣ въ пенсіонѣ потому, что въ 1851 году я получилъ аренду на 12 лѣтъ. Можетъ быть, это совершенно законно, но почему Комитетъ, имѣвшій мой формуляръ, не отказалъ мнѣ въ самомъ началѣ переписки; зачѣмъ онъ спрашивалъ меня: *не взялъ ли я аренды всей впередъ сполна*, что ввело меня въ пріятное заблужденіе, зачѣмъ онъ потребовалъ отъ меня разныхъ свидѣтельствъ и документовъ? И когда, послѣ многихъ хлопотъ и издержекъ, я представилъ все требуемое, Комитетъ указалъ на причину, ему давно извѣстную. Согласись, что это весьма непріятно.

Во вторыхъ, братъ узналъ въ Капитулѣ орденовъ, что пенсія въ 150 р. назначенная мнѣ за Георгія, не только не будетъ отпускаться за границу, но что я потерялъ на нее всякое право, если не возвращу съ тотчасъ же и не буду хлопотать объ отпускѣ ея.

Въ третьихъ, что, хотя русскимъ подданнымъ и дозволяютъ оставаться за границей 5 лѣтъ, но, что пенсіи даются лишь въ теченіе 2-хъ лѣтъ. На этомъ основаніи я лишень и послѣдней пенсіи, которую получалъ изъ Государственнаго Казначейства.—

Конечно, я здѣсь знаю многихъ русскихъ, получающихъ уже 10 лѣтъ большія пенсіи, но они просили объ этомъ, а я во всю мою службу никогда не утруждалъ начальство моими просьбами. И вотъ на старости лѣтъ приходится кланяться. Чтобы избѣжать этого, я готовъ и могъ принять частную службу, но здоровье не позволяетъ не только трудиться, но даже жить въ російскомъ климатѣ, а между тѣмъ, надо будетъ пріѣзжать на поклонъ въ Петербургъ.—

Не знаю, имѣлъ ли ты время слѣдить за ходомъ и характеромъ европейской политики?—я, какъ больной и праздный имѣю достаточно времени разсматривать вопросы эти со всѣхъ сторонъ. Вотъ, если тебѣ не скучно, нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій.—

Въ 1830 году Франція объявила за собою право давать себѣ такое правленіе, какое ей вздумается. Ни одному правительству эта вы-

ходка не понравилась, но никто не захотѣлъ воевать съ сильною Франціею и съ мирнымъ королемъ. Англія объявила правило не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Почти въ то же время въ журналахъ начали кричать о національностяхъ, то есть о составленіи государствъ по націямъ. Въ 1848 году, народы хотѣли преобразовать свои границы по народностямъ, но попытка эта не удалась, благодаря краснымъ республиканцамъ, социалистамъ и коммунистамъ, которыхъ замыслы перепугали всѣхъ зажиточныхъ людей, или, какъ французы говорятъ, „*chacun qui tenait à quelque chose*“.

Все притихло, но урокъ, полученный Германіею и Италіею не пропалъ даромъ. Въ Піэмонтѣ явился на престолъ честный и благородный король и умный министръ. Они предприняли въ маленькомъ государствѣ реформы и учрежденія, которыя сдѣлали Виктора-Эммануила знаменемъ и якоремъ всей Италіи. Ломбардская война и Цюрихскій миръ ничего не значили, и показали только какъ мало можетъ сдѣлать оружіе. Но почти единогласное сверженіе герцоговъ въ Моденѣ, Пармѣ, Болоньѣ и въ Тосканѣ и вступленіе въ подданство Виктора-Эммануила озадачило всю Европу и едва ли Наполеона не болѣе другихъ.—Къ счастію его онъ молчаливъ, и потому никто не можетъ упрекнуть его въ недалковидности.—Надо полагать, однако жъ, что ему пріятнѣе было бы принять подъ свое покровительство Итальянскую Конфедерацію, чѣмъ имѣть сосѣдкою 19-ти милліонную монархію, которая грозитъ поглотить остальную Италію.—Никто не сомнѣвается, что при первой войнѣ Австріи, въ Германіи, Венгріи, или гдѣ нибудь, Викторъ-Эммануилъ бросится на знаменитый четырехугольникъ, и въ то же время безъ выстрѣла овладѣетъ римскими и неаполитанскими владѣніями. Это рано, или немного поздыѣе должно сбыться. Но итальянскій переворотъ, кромѣ всѣмъ видимаго результата, озадачилъ всѣ старые кабинеты формою переворота, то есть спокойнымъ изложеніемъ своихъ владѣтелей и отдачею себя новому, совершенно постороннему Государю.—Народный актъ этотъ, составлявшій до сихъ поръ какъ бы прерогативу французовъ, перешелъ теперь въ число правъ итальянскихъ мелкихъ владѣній.—Нѣтъ сомнѣнія, что австрійскій императоръ предпочелъ бы видѣть Тоскану и прочія герцогства покоренными оружіемъ, нежели избравшими Виктора-Эммануила. Къ пущему негодованію Австріи, Наполеонъ III, выторговавшій себѣ Савойю и Ниццу, какъ будто желалъ освятить это новое право, объявивъ, что онъ не иначе намѣренъ присоединить эти двѣ провинціи, какъ съ рѣшенія поголовной подачи голосовъ самихъ жителей. На объявленіе объ этомъ присоединеніи, нѣкоторые кабинеты отвѣтили, что они признаютъ за Вик-

торомъ-Эммануиломъ право уступить, а за Наполеономъ принять Савойю и Ниццу, но считаютъ излишнимъ спрашивать согласіе на это народонаселенія. —

Между тѣмъ, пока въ Италіи происходитъ воссоединеніе, — народы мелкихъ германскихъ государствъ стремятся къ тому же. — Ты знаешь, что въ прошломъ году, когда Наполеонъ былъ въ Ломбардіи, противъ него ополчилась уже Германія. Австрія умѣла склонить на свою сторону Баварію, Баденъ, Нассау и пр. народы, которые желали тоже войны, но вовсе не для поддержанія Австріи; они надѣялись во время войны сбросить съ себя князей и образовать сильное Южно-Германское государство изъ Баваріи, Виртемберга, Вадена, Гессенскихъ княжествъ и Нассау; другіе желали присоединиться къ Пруссіи. Многіе нѣмцы говорили мнѣ, что имъ нужна война, чтобы совершить преобразование феодальныхъ раздробленныхъ формъ. Кажется Наполеона эта идея перепугала болѣе чѣмъ нѣмецкіе штыки, и онъ успѣшилъ заключить перемиріе въ Вилла-Франкѣ. Никогда, можетъ быть, Европа не была въ такомъ боязливомъ настроеніи какъ теперь: Неаполь и папа боятся Виктора-Эммануила, а болѣе еще своихъ собственныхъ подданныхъ, Испанія со слезами подписала невыгодный миръ съ Марокко, боясь Англіи. Австрія боится Богеміи, Венгріи, Пруссіи, Сардиніи и Россіи; Пруссія боится потерять Рейнъ и свое вліяніе на Германію: сія послѣдняя вся сполна трепещетъ, чтобы Франція не сошлась близко съ Россією и не приняла нѣмцевъ въ тиски. — Наконецъ, Англія никогда еще такъ не боялась Франціи какъ теперь. — Надъ цѣлою Европою возвышается молчаливая фигура Наполеона III, который терпѣливо слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ, народными нуждами, страстями и ошибками правительства. Европа знаетъ, что надъ ней паритъ Французскій орелъ, который все видитъ, все понимаетъ, всѣмъ умѣетъ воспользоваться, не пугаетъ и ничего не прощаетъ. — Вотъ почему каждое слово, каждый жестъ Наполеона, повторяются во всѣхъ углахъ Европы и возбуждаютъ надежду или страхъ. — Въ настоящую минуту всѣ опасаются, что онъ черезъ годъ или черезъ два зажжетъ войну въ Германіи, чтобы приобрѣсть Рейнъ. Только этимъ своимъ завоеваніемъ онъ можетъ упрочить свою династію на шаткомъ французскомъ престолѣ, тогда не только республиканцы, но и легитимисты покорятся ему изъ благодарности. — Мнѣ говорили нѣсколько французскихъ легитимистовъ, что въ день подписанія мира, по которому Рейнъ потечетъ по границѣ Франціи, они соберутся въ церковь отслужить молебенъ въ память Бурбоновъ, и затѣмъ въ Тюльери съ поклономъ Наполеону.

Можно не уважать, но нельзя не удивляться этому человѣку; его уму, терпѣнію, твердости и ловкости. Подтверженія этому у меня передъ глазами; въ прошломъ году одинъ изъ *ниццескихъ журналовъ* началъ толковать о томъ, какъ выгодно было бы Ниццѣ принадлежать Франціи. Не проходило дня, чтобы въ журналѣ этомъ не была помѣщена статья подъ всегдашнимъ заглавіемъ: „*Les interets du Comté de Nice*“, въ которой доказывалось бѣдственное настоящее положеніе графства и блистательная будущность, если она перейдетъ во власть Франціи. Мало по малу образовались здѣсь 2 партіи: итальянская и французская. Отъ нечего дѣлать я усердно слѣдилъ за ходомъ этой интриги, и нахожу, что лучшая роль въ ней принадлежитъ Наполеону, хотя и онъ игралъ ее въ маскѣ.—

Вотъ что теперь оказывается: Наполеонъ обѣщалъ выгнать Австрійцевъ изъ Венеціи, и за это выговаривалъ себѣ Савойю и Ниццу. Но такъ какъ по Вилла-Франкскому миру, Венеція осталася за Австрію, то тайный этотъ договоръ осталася безъ исполненія.

Наполеонъ объявилъ, что не противится возстановленію герцогствъ и совѣтовалъ Виктору-Эммануилу не брать Тоскану; но послѣдній не послушался и принялъ ея подданство.—Тогда Императоръ объявляетъ претензію на Савойю и Ниццу.—Итальянцы при этомъ выказали себя порядочными поддѣцами, они начали кричать, что Наполеонъ обѣщалъ отдать имъ Венецію, и такъ какъ не исполнилъ этого, то не имѣетъ права на вознагражденіе. Что же касается до присоединенія Пармы, Модены и Тосканы, то будто оно произошло безъ помощи, даже противъ желанія Наполеона, который, слѣдовательно, не имѣетъ повода требовать Ниццы и Савойи. Съ другой стороны Кавуръ хотѣлъ показать Европѣ и въ особенности Италіи, какъ неохотно Піемонтскія провинці переходятъ въ чужое подданство. Съ этой цѣлью сюда командировали изъ Генуи нѣсколько отчаянныхъ итальянцевъ-патріотовъ, которые принялися дѣлать тутъ публичныя манифестаціи: прогулки по городу съ Піемонтскимъ знаменемъ, ношеніе бюста Викт.-Эмман., требованія въ театрѣ народнаго гимна и т. п. При этомъ случаѣ, надобно сознаться, что многіе изъ русскихъ объявили себя законными итальянцами, они перепугали ниццаровъ увѣреніемъ, что русскіе перестанутъ посѣщать ихъ городъ, когда онъ сдѣлается французскимъ. Начались беспорядки, дѣло доходило до ножей. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ списался съ Туриномъ, и приняты слѣдующія мѣры: всѣ должностныя лица, поставленныя отъ короны, отозваны и замѣнены уроженцами Ниццы; объявленъ манифестъ, освобождающій ниц-

царовъ отъ подданства савойскому дому; отозваны сардинскія войска и въ то же время нѣкоторые французскіе полки, занимавшіе Ломбардію, вмѣсто того, чтобы съѣсть на суда въ Генцѣ, стали проходить по Ривьерѣ и приостанавливаться въ Ниццѣ, какъ будто для отдыха. Кромѣ того сюда пріѣхалъ французскій сенаторъ Піэтри (родомъ корсиканецъ), который принимаетъ прошенія на имя Императора, депутаціи, корпораціи и щедро обѣщаетъ имъ все, о чемъ бы онѣ не попросили.—Множество мелкихъ французскихъ агентовъ разсыпано по всему краю. Поэтому можно уже предвидѣть что „la saute de l'appexion“ пройдетъ значительнымъ большинствомъ въ пользу Франціи. Изъ всего этого видно: 1-е) что Наполеонъ ловкій политикъ; 2-ое) что пьемонтцы, тосканцы и прочіе суть неблагодарныя свиньи...., скоро забывшія помощь Франціи: 3-е) что ниццары, отрекающіеся отъ своей національности ради торговыхъ выгодъ, тоже подлецы.—Я понимаю, что Наполеонъ имѣетъ право требовать естественныхъ границъ, но ему хочется увѣрить Европу, что присоединеніе это дѣлается по желанію жителей Савойи и Ниццы.—Еще сквернѣе то, что пьемонтцы, ломбардцы, тосканцы и прочіе, торгуются со своимъ избавителемъ и хотѣли вернуться отъ уступки.—Ниццары и савойяры, напротивъ, имѣли полное право отстаивать свою національность и либеральныя учрежденія; но они продаютъ себя и думаютъ только о томъ какъ бы подороже взять за свою свободу. Кто посѣтилъ, и въ особенности, пожилъ въ Италіи, не можетъ не согласиться, что итальянцы развратники и подлецы. И потому, если всѣ радуются воскресенію Италіи, то, конечно, въ той пріятной надеждѣ, что справедливое, либеральное и просвѣтительное правительство преобразуетъ характеръ и улучшить нравственность жителей этой прекрасной страны.—Но довольно о политикѣ!

2/14 А прѣля. Англичане постоянно хлопочутъ объ удобствѣ путешествій: что они для этого не придумали! И экстренные цуги на желѣзныхъ дорогахъ и колоссальныя пароходы. но Наполеонъ доставилъ мнѣ легчайшій способъ переѣзжать изъ государства въ государство; благодаря его политикѣ, я, не выходя изъ своей квартиры, могу покинуть Италію и очутиться во Франціи. Шутки въ сторону, но я дѣйствительно радъ отчасти присоединенію Ниццы къ Франціи, потому что при предстоящей поѣздкѣ въ Парижъ, избавлюсь таможеннаго осмотра чемодановъ. Хотя у меня бывалъ съ собою до сихъ поръ одинъ сундучекъ, но жена присоединила къ нему своихъ восемь огромныхъ сундучищъ; въ каждомъ изъ нихъ могутъ спрятаться по крайней мѣрѣ 2 человѣка,

Побывавъ лѣтомъ на разныхъ водахъ для жены и для меня, думаемъ тронуться въ первыхъ числахъ Августа въ Петербургъ, а оттуда, смотря по состоянію здоровья, или въ Москву, куда желаетъ жена, или въ Ниццу, гдѣ я менѣе страдаю.—Пріятно будетъ увидѣть старыхъ родителей, братьевъ, сестеръ, обнять и поблагодарить тебя. Но когда подумаю о Комитетѣ раненыхъ, орденскомъ Капитулѣ, казначействѣ, о клопахъ, тараканахъ, съ которыми опять придется имѣть дѣло, то радость уступаетъ мѣсто страху. Пуще же всего я боюсь климата: вотъ уже три года, какъ я постоянно и ежедневно люблюя зелеными растеніями и цвѣтами, а снѣгъ вижу только на вершинахъ Тендскаго хребта, который защищаетъ Ниццу отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Россія хороша для здоровыхъ, но для больныхъ родина тамъ, гдѣ климатъ облегчаетъ ихъ страданія.

Наша старушка царица чувствуетъ себя нѣсколько лучше: она начала довольно часто посѣщать недавно отстроенную при ея высокомъ содѣйствіи православную церковь. Церковь эта находится сейчасъ за садикомъ моей квартиры и такъ какъ сегодня Страстная суббота, то вся здѣшняя русская колонія дефилируетъ предо мною. Вся улица загромождена каретами, которыхъ я насчиталъ болѣе 50. Можешь судить, какая давка въ церкви, куда я часто отвожу жену. Великій Князь Николай Николаевичъ также здѣсь, но жалуется на скуку безъ жены. Принцъ Петръ Ольденбургскій недавно воротился изъ Рима, а В. К. Марія Николаевна отправилась туда, на празднество Святой недѣли.

Передай мой усердный поклонъ милой супругѣ твоей.

Твой старый другъ А. Вранкенъ.

27 Сентября 1860 г. Москва.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Съ 1-го Августа мы все собиралися выѣхать въ Россію, прямо въ Петербургъ, гдѣ я надѣялся обнять тебя, и кончилось тѣмъ, что я очутился въ Москвѣ. Запоздали же мы своимъ выѣздомъ потому, что, надобно тебѣ сказать, что семейство наше можетъ быть названо по всей справедливости подвижнымъ лазаретомъ. Изъ пяти членовъ его: 3-хъ дамъ и 2-хъ мужчинъ, четверо поочередно или попарно хвора-

ютъ.—Такимъ образомъ, мы провели въ Гамбургѣ цѣлый мѣсяцъ, ежедневно собираясь и ежедневно откладывая отъѣздъ въ Россію. Только въ концѣ Августа мы въ одинъ день перенеслись въ Дрезденъ, но тамъ прихворнули 10 дней; точно такимъ образомъ добрались мы до Варшавы. Городъ этотъ и прежде не блисталъ порядкомъ и опрятностію, но теперь онъ достигъ до крайнихъ предѣловъ свинства. Вонь на улицахъ такъ сильна, что при выѣздѣ женѣ моей сдѣлалось дурно. Можетъ быть, если бы я прибылъ въ Варшаву изъ Россіи, то она не поразила бы меня своею неопрятностію и беспорядкомъ, но я слишкомъ три года провелъ за границей и началъ уже привыкать къ чистотѣ. Объ администраціи и новыхъ порядкахъ скажу только, что поляки съ сожалѣніемъ вспоминаютъ времена Паскевича, которые, однако же, могутъ назваться золотымъ вѣкомъ царства Польскаго.—

Въ Варшавѣ я нашелъ нѣсколько сослуживцевъ и стараго товарища по академіи *Семку*. Какъ лицо административное, онъ не осуждаетъ никого, но и то дѣлаетъ ему честь, что онъ отмалчивается и не защищаетъ виноватыхъ.—

Пробывъ въ Варшавѣ 10 дней, я взялъ уже мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, но счастливый случай, благодаря Бога, развязалъ меня съ почтовымъ вѣдомствомъ. Я узналъ, что жена бывшаго Московскаго оберъ-полицмейстера, ѣхавшая за границу, ищетъ случая отправить свою дорожную карету обратно въ Москву. Возможность ѣхать одному и останавливаться гдѣ угодно на ночлегъ, заставила меня измѣнить намѣреніе и не ѣхать уже на Петербургъ. Я предпочелъ пуститься прямо на Москву.—Путевыя мои впечатлѣнія я опишу послѣ, а теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашихъ почтовыхъ экипажахъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ почты устроены для публики. Поэтому конторы отправляютъ ежедневно такое число экипажей, которое могло бы поднять все число записавшихся пассажировъ. Въ Пруссіи достаточно явиться на почту за $\frac{1}{4}$ часа до отправленія ея, чтобы имѣть право на мѣсто и въ такомъ случаѣ, если всѣ мѣста заняты, запрягаютъ особую четверомѣстную карету для одного лишняго путешественника. И замѣть, что пассажиръ платитъ только за то пространство, которое дѣйствительно проѣхалъ, а не за весь путь дилижанса.—У насъ, напротивъ, пассажиры существуютъ для почты, то есть ихъ берутъ столько, чтобы они уплатили прогонныя деньги за дилижансъ и, чтобы казенныя посылки и письма перевезлись да-

ромъ. Поэтому записываться надо недѣли за двѣ, а заплатить долженъ за весь путь отъ Варшавы до Петербурга, хотя желалъ я ѣхать только до г. Острова.—О разныхъ другихъ неудобствахъ я уже не говорю, это было бы слишкомъ длинно.—Итакъ я выѣхалъ въ собственномъ, то есть въ чужомъ, экипажѣ прямо на Москву.—Шоссе въ Царствѣ Польскомъ отвратительно, лошади тощія и потому надо было запрягать шестерикъ; я долженъ, однако же, сказать, что по мѣрѣ удаленія отъ центра управленія, то есть отъ Варшавы, и дороги и почты становятся исправнѣе; за Брестомъ-Литовскимъ я началъ чувствовать, что я дѣйствительно въ Россіи: напримѣръ, хочу ночевать; красивенькій станціонный домикъ въ готическомъ вкусѣ такъ и манитъ на ночлегъ, но только отворишь дверь, какъ тебя обдастъ нестерпимая вонь, въ коридорѣ на старой рогожкѣ или на изодранной шинели, свернувшись въ клубокъ какъ собаки, спятъ сторожъ, староста и очередной ямщикъ.—Входишь въ пассажирскій покой; паркетный полъ покрытъ какимъ то безмяннымъ тряпьемъ, диваны подъ засаленными чехлами. Несмотря на это, измученный и усталый, стараешься уснуть, но много черезъ часъ просыпаешься отъ страшнаго зуда по всему тѣлу: клопы, блохи и въ особенности мухи (кусающія даже въ потемкахъ) не дадутъ уснуть ни на минуту.—Такихъ ночей я провелъ 8, пока добрался до Москвы, гдѣ остановился въ домѣ Варгина. Варгинъ заслуживаетъ, чтобы объ немъ сказать нѣсколько словъ, въ особенности. Будучи за границей, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ удобствѣ тамошнихъ *chambres garnies* и возымѣлъ намѣреніе устроить въ Москвѣ нѣчто подобное. Это удалось ему какъ нельзя лучше. (Я забылъ тебѣ сказать что Варгинъ русскій купецъ и вдобавокъ старообрядецъ.) Онъ меблировалъ и отдѣлалъ, не щадя денегъ, 2 дома: стѣны обиты штофомъ, мебель бархатомъ, повсюду дорогая бронза, часы, лампы и все это съ большимъ вкусомъ и удобствомъ. Каждая квартира снабжена тонкимъ бѣльемъ, посудой и серебромъ. Однимъ словомъ, пріѣзжему надо имѣть только свою одежду. Прислуга у Варгина вся состоитъ изъ русскихъ (кажется тоже раскольники), опрятно одѣта въ русское платье; она усердна, расторопна и вынослива. Варгинъ доказалъ, что русскій заѣзжій домъ можетъ существовать безъ клоповъ, блохъ и таракановъ.

Правда, что за семь чистыхъ комнатъ (кромѣ службъ) мы платимъ 350 р. сер. въ мѣсяцъ, но, несмотря на столь дорогую плату мы намѣревались остаться тамъ на всю зиму, если бы квартира наша не была уже сдана на 1-ое Октября.—Пришлось искать квартиру. Агенты наши рыскали по цѣлому городу, жена и сестры ея заѣздили лошадей и были поражены неопрятностію московскихъ домовъ. За границую

легко найти роскошную квартиру, еще легче встрѣтить простенькую и опрятную, попадаются, наконецъ, и не совсѣмъ чистыя; но въ такомъ случаѣ можно быть увѣрену, что въ ней проживало русское семейство.— Въ Москвѣ грязь повсемѣстна, о маленькихъ и дешевыхъ квартирахъ говорить нечего, онѣ всѣ грязны; но даже жилища богатыхъ людей представляютъ печальный контрастъ роскоши съ неряшливостью, мотовства со скаредностью. Осмотрѣвъ множество домовъ, мы рѣшительно не нашли ни одного опрятнаго: за великолѣпными пріемными комнатами слѣдуетъ темный и грязный буфетъ, спальни съ оборванною мебелью и кухня съ сгнившими поломъ и тараканами. (Прислуга вѣроятно спала въ прихожихъ на полу). Мы наняли наконецъ 7 комнатъ (кромѣ людскихъ) за 200 р. сер. въ годъ.—Въ продолженіе 3 недѣль мы ее мыли, чистили, обклеивали. Если вздумаешь, то вотъ мой адресъ: на Малой Дмитровкѣ, въ приходѣ Стараго Пимена, въ домѣ Хлюстиной (бывшемъ Писемскаго).

Мы только что переѣхали, еще не разложились и не устроились, покупаемъ шкафы и комоды, потому что, кромѣ штофомъ обитой мебели, мраморныхъ статуй, хозяйственныхъ принадлежностей и удобства нѣтъ.—А замѣть себѣ, что предмѣстникъ нашъ Писемскій давалъ по два бала въ недѣлю и держалъ собственныхъ музыкантовъ. Гдѣ они спали—Богъ знаетъ.

Москва до сихъ поръ довольно пуста: здѣшній „beau monde“ или за границую, или не воротился еще изъ деревни, одни купцы щеголяютъ экипажами и лошадьми, зато чернаго народа тѣма.—Я не понимаю зачѣмъ они цѣлый день шляются по улицамъ, какъ будто у нихъ нѣтъ занятій. Пьяныхъ очень много, но полиція подбираетъ только тѣхъ, которые не могутъ подняться на ноги. Дамы мои были удивлены и даже перепуганы огромнымъ количествомъ арестантовъ, которыхъ безпрестанно водятъ по улицамъ. Не понимаю зачѣмъ ихъ таскаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Европѣ есть преступники, но, въ продолженіе всѣхъ моихъ вояжей я разъ только видѣлъ (и то въ Австріи) какъ два жандарма везли арестанта. У насъ, вѣроятно, это дѣлается для здоровья узниковъ; жаль только, что они не умѣютъ оцѣнить столь филантропической мѣры и часто бѣгаютъ.—Я имѣю право это говорить потому, что не дальше какъ вчера ѣздилъ въ полицію по дѣлу сестры моей жены. У ней вытацили во время служенія въ Сергіевской Лаврѣ, при мощахъ девять тысячъ руб. сер. Вора поймали, но денегъ, конечно, не нашли.—При слѣдствіи оказалось, что онъ уже 4 раза бѣгалъ изъ подъ ареста и что, между прочимъ, онъ уже

укралъ 30 т. р. Надо надѣяться, что его теперь будутъ держать строже и не отдадутъ на порученіе товарищамъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ обѣщаль слѣдственный приставъ. Но воротимся къ Москвѣ.

Городъ до сихъ поръ не освѣщенъ газомъ, тогда какъ за границей я видѣлъ множество деревень, имѣющихъ газъ. Ночью такъ темно на улицахъ, что дамы мои боятся выѣзжать вечеромъ. Мостовая такая же какъ и въ Петербургѣ, тротуары кирпичные; нечистота повсюду, и въ особенности, въ полдень, когда дворники начинаютъ мести улицы и осыпаютъ соромъ проѣзжающихъ и проходящихъ. На перекресткахъ рѣдкая улица прописана, многіе дома безъ номеровъ, да и номера ведутся по цѣлому городу; вообще Москва напоминаетъ времена Бориса Годунова и Шуйскаго. Порядки въ ней, полагаю, съ тѣхъ поръ не измѣнились. Публика ждетъ сюда оберъ-полицмейстера Потапова, въ надеждѣ, что онъ переловитъ воровъ и заведетъ порядки. Сомнѣваюсь въ успѣхѣ его.—

Здоровье мое по прежнему плохо, но, пока еще не начались холода, припадки не такъ сильны и часты, какъ я ожидалъ. Дня два тому назадъ случился, однако, морозъ и я очень страдалъ. Поэтому со страхомъ думаю или, правдивѣе сказать, стараюсь не думать о предстоящихъ морозахъ, вьюгахъ, снѣгахъ и прочихъ сѣверныхъ удовольствіяхъ. Впрочемъ, все это я предвидѣлъ и если согласился пріѣхать въ Москву, то единственно, чтобы потѣшить добрую жену.

5-го Ноября. Предчувствіе не обмануло меня, цѣлый мѣсяцъ промучился я съ своими болями въ постелѣ и потому не могъ докончить этого посланія. Тяжело и долго тянулся этотъ мѣсяцъ; ночи я провожу прескверно, встаю въ 6 часовъ утра, перебираюсь въ кабинетъ на кушетку утомленный, какъ будто я рубилъ дрова. Въ серединѣ дня мнѣ становится легче, но тутъ завтракъ, визиты, а иногда прогулки въ крытой каретѣ, берутъ свободное отъ болей время. Вечеромъ я не могу ни читать, ни писать, въ глазахъ какой то туманъ и песокъ, въ десять часовъ я уже въ постелѣ. И такимъ образомъ проходитъ день за днемъ, а письма лежатъ и напрасно ждутъ окончанія.

Зиму проведу въ Москвѣ и мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить въ Петербургъ, посмотрѣть на моихъ стариковъ, обнять тебя, порадоваться твоимъ успѣхамъ и послушать италіанскую оперу, до которой я страшный охотникъ. Говорятъ, что въ Москвѣ есть какіе то италіанскіе

крикуны, но, судя по все́мъ прочимъ московскимъ удовольствіямъ, это должны быть какіе нибудь промотавшіеся шарлатаны; не ожидаю отъ нихъ ничего порядочнаго. Правда ли, что театры будутъ открыты съ 4-го Декабря? Трауръ и такъ сдѣлалъ мнѣ убытокъ: не предвидя его, я сдѣлалъ женѣ нѣсколько великолѣпныхъ цвѣтныхъ платьевъ, которыя теперь лежатъ и, конечно, выйдутъ изъ моды, а между тѣмъ пришлось сшить черный костюмъ. — Я просилъ жену подождать съ трауромъ, пока я получу пенсію изъ Комитета раненыхъ, но терпѣніе видно не изъ числа ея добродѣтелей. Она пожертвовала, однако жъ, для меня шлейфомъ, который по моему чину она могла бы имѣть въ аршинъ длиною. И за то уже ей спасибо! Вообще надо замѣтить, что большая часть московскихъ дамъ, даже и тѣ, которыя не имѣютъ экипажей, считаютъ себя принадлежащими къ Императорскому Придворному Штату. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ разсказывать нелѣпѣйшія вѣсти и сплетни.

О крестьянскомъ вопросѣ также толкуютъ вкривь и вкосъ. Въ послѣднее время, не знаю почему, разнесся слухъ, будто онъ будетъ рѣшенъ въ пользу помѣщиковъ, что несказанно обрадовало послѣднихъ. На этомъ основаніи имѣнія опять нѣсколько вздорожали и дома упали въ цѣнѣ. У меня два зятя, то есть мужья моихъ сестеръ, имѣютъ деревеньки въ Можайскомъ уѣздѣ и потому очень принимаютъ къ сердцу этотъ вопросъ.

Но я опять отвлекся отъ моихъ собственныхъ плановъ: весною, если только здоровье позволитъ, я думаю ѣхать въ деревню жены, въ Симбирскую губ., гдѣ проживу все лѣто, а осенью полагаю отправиться за границу, то есть въ благословенную Ниццу, которая оплакиваетъ теперь кончину своей благодѣтельницы Императрицы Александры Феодоровны. Надѣюсь, что присоединеніе Ниццы къ Франціи не пере мѣнитъ ни цвѣта неба, ни красоты моря Средиземнаго. Не даромъ Гарибальди, завоевавшій Сицилію и Неаполь, не можетъ простить Наполеону похищеніе его родины. — Да и какъ не любить такую родину, какъ вѣчно цвѣтущая Ницца! Я провелъ въ ней всего три зимы, но не проходитъ дня, чтобы я не переносился туда душою, не тосковалъ о ея цвѣтущихъ ущельяхъ, о ея голубомъ небѣ и прозрачномъ морѣ. Впрочемъ, предполагающаяся поѣздка въ Ниццу зависить отъ столькихъ обстоятельствъ, что я могу только мечтать о ней.

Я твердо намѣренъ побывать въ Петербургѣ, и желалъ осуществить это теперь, но жена не пускаетъ безъ себя, а вмѣстѣ съ нею не оберешься хлопотъ.

Съ какою радостью я обниму тебя за все, что ты для меня сдѣлалъ.

Прощай, дорогой, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, напомни обо мнѣ милой супругѣ твоей и не забывай

твоего стараго друга и почитателя

Агатопа Вранкена.

Письмо фельдмаршала князя Александра Владиміровича Барятинскаго къ Александру Андреевичу Неверовскому.

Милостивый Государь,

Александръ Андреевичъ!

Ваше Превосходительство весьма меня обяжете, если возьмете на себя трудъ изложить письменно, хотя и въ общихъ чертахъ, ту систему постепеннаго завоеванія Дагестана, о которой Вы мнѣ говорили въ Александрополѣ, и которая своею послѣдовательностью показала мнѣ самую надежную и практическую изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ того же рода преположеній.

Опасаясь только, что, можетъ быть, составленіе этой записки отниметъ у Васъ нужное и драгоцѣнное время;—а потому прошу Васъ, не стѣсняясь этимъ дѣломъ, заняться имъ тогда только, когда Вамъ будетъ болѣе удобно.

Пользуюсь случаемъ, чтобы поздравить Васъ съ праздникомъ и просить Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

А. В. Барятинскій.

1-го Апрѣля 1855 г. Тифлисъ.

Сообщ. Баронесса Е. А. Клейсть.

При семъ выпускѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается извѣщеніе книгоиздательства „Мусагетъ“ о выходѣ въ свѣтъ перевода Сведенборга.